

ДЕТЕКТИВ-НОСТАЛЬГИЯ

ЗЛО

из телевизора

Полное
погружение
в атмосферу,
быт и жизнь
эпохи **80-х**

Геннадий СОРОКИН

Геннадий Геннадьевич Сорокин
Зло из телевизора
Серия «Андрей Лаптев», книга 6
Серия «Детектив-ностальгия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56581723

Зло из телевизора: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-112363-5

Аннотация

В заброшенном сквере одного из сибирских городов неизвестный напал на женщину и, угрожая ножом, симитировал насильственный акт. Потом, скрываясь с места преступления, эффектным приемом карате вырубил двоих спортсменов, попытавшихся его задержать. Следователь Андрей Лаптев уверен, что именно по уникальным боевым качествам он легко найдет нападавшего. Но чем дальше оперативники погружались в детали происшествия, тем очевиднее становилось, что искать нужно не суперспортсмена, а человека с совсем другими, куда более страшными способностями...

Содержание

1	5
2	17
3	24
4	38
5	45
6	61
7	72
8	81
9	92
10	105
Конец ознакомительного фрагмента.	110

Геннадий Сорокин

Зло из телевизора

© Сорокин Г. Г., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

1

В конце апреля 1990 года, в будний день, вечером, сорокалетняя работница кондитерской фабрики «Красный Октябрь» Татьяна Андрейчук решила сократить путь от остановки до дома и пройти через полузаброшенный сквер. Как только она отдалилась от оживленной улицы, к ней сзади подошел незнакомый мужчина.

– Стой на месте! – приказал он.

Андрейчук хотела обернуться, но увидела перед глазами сверкающее лезвие ножа.

– Иди налево, к кустам, – сказал мужчина. – Если попробуешь обернуться и посмотреть на меня – прирежу, как овцу на скотобойне.

Выполняя приказание незнакомца, Татьяна свернула с центральной аллеи в глубь сквера. У кустов начинающего распускаться шиповника мужчина велел ей встать на колени, а потом лечь на землю.

– Холодно же, грязь, – робко попыталась возразить Андрейчук.

Насильник, чтобы продемонстрировать жертве серьезность своих угроз, слегка уколол ее в ногу ножом.

– Ложись на живот и не вздумай оборачиваться, – пригрозил он.

«Срамота-то какая, – подумала Андрейчук. – Вот так со-

кратила путь! Столько лет ходила через этот сквер, и все нормально было, а сегодня... С утра день не заладился. Как теперь мужу объяснить? Не поверит же, что я ни в чем не виновата. Скажет: «Просто так ничего не происходит. Сама, поди, напросилась». Я у него всегда виновата».

Пыхтя от возбуждения, незнакомец стащил с Андрейчук нижнее белье, улегся сверху, повозился на ней, дернулся несколько раз и встал.

– Пять минут лежи и не поднимайся, – велел он. – Попро-буешь поднять голову и посмотреть мне вслед – вернусь и прирежу.

Не успел насильник отойти на десять метров, как Андрейчук приподнялась и посмотрела на него. Со спины незнакомец выглядел высоким, физически развитым мужчиной, одетым в спортивный костюм синего цвета. Сама не зная за-чем, сгорая от стыда и трясаясь от страха, потерпевшая быст-рым шагом пошла за преступником.

У центральной аллеи мужчина на минуту остановился, отряхнул с колен прилипшие прошлогодние листья и пошел по направлению к остановке. Навстречу ему шли два парня со спортивными сумками и женщина с коляской. С проти-воположной стороны на остановку спешила пожилая пара.

Иногда человек принимает решения быстрее, чем успева-ет их обдумать. Сама не зная зачем, Андрейчук закричала парням:

– Держите его, вот этого, в спортивном костюме! Он меня

только что изнасиловать пытался!

Парни бросили на землю спортивные сумки и встали в боевые стойки.

Старшим из них был двадцатипятилетний Павел Демидов, сержант милиции, спортсмен-рукопашник. Второго звали Кучеров Руслан, в спортивном обществе «Динамо» он занимался боксом и подавал большие надежды.

– Сейчас я из него отбивную сделаю, – бросил напарнику Демидов.

– Мне оставь пару раз приложиться, – шутя попросил Руслан.

Услышав крики Андрейчук, насильник обернулся, посмотрел на нее, прибавил шагу и, приближаясь к спортсменам, перешел на легкий бег. Поравнявшись с парнями, незнакомец высоко подпрыгнул и атаковал их серией точных и выверенных ударов боевого карате. Кучеров получил сильнейший удар ногой в голову, а Демидов – несколько ударов кулаками по телу и лицу. Опрокинув обоих защитников на землю, насильник пустился бегом и растворился на многолюдной улице.

Нападением на работницу фабрики «Красный Октябрь» занимались оперативники Заводского РОВД. Под их давлением она написала заявление о попытке изнасилования, но сразу же предупредила, что никакого дальнейшего разбирательства не желает.

– Слухи всякие пойдут, зачем мне это надо? – пояснила

она свою позицию. – Если поймаете его, хорошо, а не поймаете, так черт с ним! Со мной он сделать ничего не успел.

После допросов в отделе милиции разговор с избитыми спортсменами продолжили в спортзале средней школы № 35, расположенной в одном микрорайоне с Заводским РОВД. В качестве экспертов для проведения следственного эксперимента пригласили тренеров спортобщества «Динамо» и руководителей независимых секций боевых единоборств. Был среди приглашенных и Гера, лидер-координатор «Общества исходного пути». Чем занималось это общество, толком никто не знал, но Гера в кругах каратистов областного центра был личностью известной, так что для полного комплекта пригласили и его.

В последнее время Гера стал представляться как Гераклион Северский. Паспорта его никто не видел, и Гера смело мог выдавать себя хоть за Гераклиона, хоть за Аполлона Дельфийского – все равно никто не верил, что Гераклион – его настоящее имя.

– Встаньте так, как вы стояли перед нападением, – велел спортсменам главный тренер «Динамо» по боевым единоборствам. – Теперь рассказывайте, как произошла атака и почему вы не смогли оказать преступнику достойного сопротивления. Паша, ты же прирожденный рукопашник, ты должен был на автомате блоки выставить.

– Сергей Дмитриевич, да кто же мог подумать, что так получится! – виновато воскликнул Демидов. – Он подбежал к

нам и подпрыгнул вверх чуть ли не на полтора метра. Руслана он ударил ногой практически по горизонтали, а на меня еще в воздухе обрушил целый каскад ударов. Я защищался, как мог, но одну плюху, в висок, пропустил и ушел в нокаут.

– Руслан, – обратился ко второму пострадавшему тренер, – как ты видел все происходящее?

– Вы не подумайте, что мы выкручиваемся, но этот тип в спортивном костюме действительно взлетел очень высоко. Когда он подскочил вверх и полетел на нас, я инстинктивно сделал шаг назад и тут же получил удар ногой в ухо. Дальше несколько секунд я ничего не помню. Когда очнулся, то уже лежал на земле.

Тренер прошелся вокруг спортсменов, с сомнением покачал головой.

– Ребята, – сказал он, – вы рассказываете какую-то странную историю. По-вашему, человек чуть выше среднего роста, без подкидной доски, с небольшого разбега сумел подпрыгнуть над землей метра на полтора, не меньше. Если это так, то вам встретился мастер очень высокого класса. Супермен какой-то. Ниндзя. Чак Норрис. Брюс Ли.

– Вот именно, Брюс Ли, – подал голос Гера. – Он русский был или нет?

– Русский вроде бы, – неуверенно ответил Демидов.

– Я его не рассмотрел, – честно признался Руслан.

– Попробуем, – предложил Гера.

Под недовольными взглядами всех собравшихся лидер «Общества исходного пути» снял брюки и остался в одних трусах. Тщательно зашнуровав кроссовки, он попрыгал на месте, потряс руками и ногами.

– Сплясать хочешь? – ехидно спросил тренер из «Локомотива».

Гера одарил юмориста презрительным взглядом, но отвечать не стал.

– Отойдите на метр друг от друга и встаньте в те стойки, в которых вы стояли, когда ожидали преступника, – велел он спортсменам. – Готовы?

Убедившись, что его указание выполнено, Гера легко разбежался, подпрыгнул между парнями и имитировал атаку руками и ногами.

– Так было? – спросил он, приземлившись позади потерпевших.

– Он выше прыгнул, – сразу же, не задумываясь, ответил Кучеров. – Ваша нога наносила удар на уровне плеча, а у него – прямо в голову.

– Руками он примерно так бил, – согласился Демидов. – Но прыгнул гораздо выше. Поймите меня правильно, я без всякого преувеличения говорю: он взмыл над землей, как кенгуру над саванной. Раз – и он в воздухе, да еще удары успеваает наносить.

– Судя по вашим словам, это какой-то волшебник! – не поверил главный тренер «Динамо». – Он что, в воздухе меж-

ду вами целую минуту висел?

– Попробуем еще раз, – перебил его Гера.

Он отошел на исходную позицию, разбежался и вновь атаковал парней. Потом еще раз и еще.

– У меня получается во время прыжка нанести один удар ногой и два удара – руками, – подвел итог Гера. – Но я знаю человека, который и прыгает выше, и бьет активнее. Это незабвенный и великий Брюс Ли. Каскад ударов, который я пытался повторить, Брюс Ли демонстрирует в фильме «Путь дракона». Посмотрите, сравните и сами убедитесь.

– И Брюс Ли, и все эти японские ниндзя во время съемок прыгают с подкидной доски, – дружно возразили тренеры. – Ты не ставь в один ряд киношные трюки и реальные прыжки.

– Что вы на меня набросились! – возмутился Гера. – Я с пеленок занимаюсь карате, но мне, чтобы ударить этого парня ногой по горизонтали, не хватает сантиметров двадцать высоты. Человек, который атаковал их, был более прыгучим, чем я. Если они ничего не путают, то сегодня в сквере им повстречался действительно большой мастер. Я лично такого в нашем городе не встречал.

– Ерунда какая-то! – вмешался в разговор начальник уголовного розыска Заводского РОВД Александр Еремченко. – Если сегодня на них напал великий мастер-каратист, то на кой черт ему насиловать какую-то сорокалетнюю тетку? Под такого красавчика-спортсмена бабы сами должны штабелями ложиться, а он в заброшенном сквере толстушку-фасов-

щицу в кусты тащит.

– У всех насильников с головой не в порядке, – высказал свое мнение один из тренеров. – Вспомни начало восьмидесятых. Как фамилия была у того упыря? Унжаков? Шесть изнасилований, а сам весь из себя такой примерный, ударник социалистического труда, добропорядочный семьянин.

– Какой Унжаков! – отмахнулся от него начальник розыска. – Вы еще Берию вспомните. Я в начале восьмидесятых в Томске учился... Кстати, а где этот Унжаков сейчас? Освободился, поди?

– Говорят, в зоне его опустили, и он повесился, не смог вынести издевательств, – ответил главный тренер «Динамо». – В любом случае Унжаков отпадает: он невысокого роста и спортом никогда не занимался.

Неизвестного каратиста-насильника искали неделю, потом на уголовный розыск Заводского РОВД навалились другие дела, и о странном происшествии в заброшенном сквере забыли. Уголовное дело по факту покушения на изнасилование гражданки Андрейчук возбуждать не стали. Потерпевшая к нападшему на нее мужчине претензий не имела, а избитые спортсмены даже заявления писать отказались.

После Первомайских праздников я и Клементьев проверяли оперативные дела в Заводском РОВД. Материалы о нападении на Андрейчук попались мне на глаза случайно.

– Так он совсем ничего не успел с ней сделать? – спросил я у Еремченко.

– Потерпевшая считает, что пока одетый насильник во-
зился на ней, у него произошло преждевременное семяиз-
вержение. Глупая история. Если бы не нож и не двое избы-
тых спортсменов, я бы в тот же день отказал в возбуждении
уголовного дела. Андрей Николаевич, ты же работал у нас в
отделе, должен помнить этот сквер – его можно пройти из
конца в конец за пять минут. Единственное место, которое
не видно с центральной аллеи, это как раз те кусты, куда на-
сильник завел потерпевшую.

– Ты полагаешь, это был кто-то из местных?

– Никаких предположений у меня нет. Согласись, исто-
рия какая-то идиотская. Совершенно не привлекательную,
не сексапильную тетку красавчик-каратист кладет на землю,
стягивает с нее белье, трется о ее ягодицы и убегает. Поло-
вого акта в физиологическом смысле слова не было, сам на-
сильник вроде бы не раздевался. Мы посоветовались с про-
курором, он предложил написать материал как мелкое хули-
ганство. На кой черт нам с прокурором нераскрытая попыт-
ка изнасилования?

– С огнем играете, – предупредил я. – Представь, что этот
каратист снова выйдет на промысел. Что тогда? Кого искать
будете? Вы же толком не занимались отработкой этого ма-
териала. Примет нападавшего нет, потерпевшая Андрейчук
допрошена поверхностно, место происшествия не осматри-
вали. Грянет гром – прокурор в кусты спрячется, а тебя под
раздачу выставит, все промахи на тебя свалит.

– Андрей Николаевич, – начал злиться Еремченко, – ты как будто сам на «земле» не работал! Откуда у меня время какой-то дребеденью заниматься? Появится снова насильник – будем его искать, а так чего зря воду баламутить? Если сейчас прокурор возбудит дело по изнасилованию, то мы до конца года по процентам не поднимемся и весь город за собой вниз потянем. Где я тебе буду искать человека, который прыгает, как кузнечик, и дерется ногами, как Брюс Ли? Мы прошерстили все спортивные секции в городе. У нас, в областном центре, нет мастера восточных единоборств такого уровня!

Я не стал спорить с коллегой. Процент раскрываемости преступлений еще никто не отменял.

Закончив проверку, я не забыл о странном нападении на гражданку Андрейчук и при первом же удобном случае обратился за консультацией к дяде моей супруги – Кононенко Макару Петровичу, кандидату медицинских наук, известному врачу-психиатру.

Выслушав меня, Макар Петрович сказал:

– Почти все насильники, которые нападают на случайных женщин на улице, психически больные люди. Безусловно, есть среди них и те, кто страдает раздвоением личности. В быту такой гражданин – неприметный серый человечек, но время от времени в нем просыпается ненасытный монстр.

– Как Унжаков? – спросил я, вспомнив справку из оперативного дела.

– Нет, нет, что ты! – замахал руками Кононенко. – Я работал с Унжаковым, мы проводили ему судебно-психиатрическую экспертизу. С ним совсем другая история. Когда-то, перед его призывом в армию, ухаживания Унжакова отвергла девушка, в которую он был влюблен несколько лет. В момент расставания на ней были белые колготки... Или нет, не так. В то время колготок еще не было, женщины носили чулки. Но это не важно. Чулки или колготки, под юбкой не отличишь. Прошло десять лет. Он женился, остепенился, устроился работать на завод, был у начальства на хорошем счету. Спиртным не злоупотреблял, к женскому полу повышенного внимания не проявлял. И надо же такому случиться: он встречает девушку, очень похожую на его давнюю избранницу, начинает ухаживать за ней и получает резкий отказ. С этого момента Унжаков начинает мстить всем женщинам. Все его жертвы в момент нападения были в белых колготках. Почти полгода он держал в страхе весь город. Веришь, в восемьдесят первом году ни одна девушка не рисковала выйти на улицу в белых колготках. Для поимки Унжакова власти пошли на беспрецедентный шаг: разрешили задействовать женщин-ловушек. На студентке из нашего мединститута он и попался.

– Унжаковым двигала месть, и он прекрасно осознавал, что делает. Вы признали его психически здоровым?

– Конечно! Диссоциативным расстройством идентичности он не страдал. Как-нибудь я расскажу, в чем проявля-

ется раздвоение личности и когда оно становится опасным для окружающих. Что касается твоего загадочного насильника-каратиста, то пока выводы делать рано. Слишком мало данных о нем. Жди до сентября. Если этот каратист страдает психическим заболеванием, то в период осеннего обострения он проявит себя. А может, и нет. Слишком уж странное изнасилование он пытался совершить.

– Осенью так осенью! – охотно согласился я. – Если летом у психов отпуск, то я подожду до сентября, а там попытаюсь вычислить, что за странный тип у нас в городе объявился.

2

Лето пролетело незаметно, как один день. Наступило первое сентября. Родители первоклашек скупили на рынке все гладиолусы и повели детей в школу. Студенты и старшеклассники приготовились выезжать на поля в подшефные колхозы и совхозы на уборку картофеля.

Несколько дней шли нудные дожди, сменившиеся ночными заморозками. Пожелтели и облетели листья на березах. Психически неуравновешенные граждане стали чаще записываться на прием к участковым психиатрам.

Таинственный насильник не объявлялся.

Семнадцатого сентября, сдав дежурство по городскому управлению, я вернулся домой.

По телевизору шла утренняя развлекательная передача, в которой было всего понемногу: после обзора новостей в стране и мире врач рассказал о вреде курения и пользе утренней пробежки, приятная пожилая женщина поведала, как сварить варенье без сахара.

– Она бы лучше рассказала, как выгнать самогонку без дрожжей, – съязвил я.

– Андрюша, не мешай, – попросила жена. – Сейчас будет интересный сюжет.

– Ага, интересный, – не унимался я. – Сейчас нас научат штопать носки без иголки и ниток.

– Андрей, ну я же попросила, – напомнила Лиза.

– Молчу-молчу, – уступил я. – О, а это что за шарлатан?

В студии телевидения появился мужчина необычайного вида: на ладонях и тыльной стороне кистей рук незнакомца зияли кровавые раны.

– Уважаемые телезрители, – обратилась ко всей стране ведущая развлекательных программ Центрального телевидения, – позвольте представить вам известного итальянского проповедника и философа Джорджио Бонджованни.

Гость студии выглядел представительно и в то же время как-то по-детски беспомощно. Всем своим видом он показывал, что испытывает невероятные страдания, но уже привык к ним и готов отвечать на вопросы о судьбах мира и человечества.

Джорджио Бонджованни на вид было лет тридцать или около того. Как типичный южанин, он был смуглым и черноволосым, в его аккуратной бородке просвечивали пряди проступающей седины. Для солидности проповедник зачесывал волосы назад, говорил неспешно, обдумывая каждое слово.

– Лиза, этот человек – мошенник и шарлатан, – сказал я. – Как он может быть проповедником, если он не имеет духовного сана? Посмотри сама: он одет не в рясу, а в обычный гражданский костюм с галстуком. Он что, в церкви проповеди в пиджаке читает?

– Андрюша, это ужасно! – возмутилась жена. – Почему,

когда я смотрю телевизор, тебе обязательно надо комментировать каждый сюжет? Посиди пять минут молча, дай мне послушать про его стигматы.

Словно услышав мою супругу, ведущая программы обратилась к Бонджованни:

– Господин Бонджованни, расскажите нашим телезрителям о ваших встречах с Девой Марией и происхождении стигматов на ваших руках.

Гость студии, выслушав переводчика, грустно улыбнулся и начал свой невеселый рассказ:

– Я родился на острове Сицилия, но потом переехал на материковую часть Италии в портовый городок Сант-Эльпидио. – Итальянец поправил на носу модные очки в тонкой золотой оправе, прищурился, вспоминая далекое прошлое. – Сколько я себя помню, с самого детства все свое свободное время я посвящал духовному развитию, изучению религии и жизненного пути Господа нашего Иисуса Христа. В апреле прошлого года я пошел на автостоянку, и передо мной вдруг возникла женщина поразительной строгости и красоты, очень светлая и яркая, словно сотканная из света. Она сказала мне, что ее имя – Мириам. Я встал перед ней на колени, так как сразу же догадался, что это Дева Мария, мать Иисуса Христа, а Мириам – это ее имя на арамейском языке. Мириам велела мне в начале осени поехать в Португалию в местечко Фатима. Я выполнил ее указание и второго сентября 1989 года вновь увидел Деву Марию. В тот день она

передала мне послание ко всем людям на Земле. Дева Мария поведала мне, что верхушку церковной иерархии ожидает кризис, что нам всем грозят ужасные катастрофы, и если мы не раскаемся, будет Третья мировая война. А еще она сказала, что человечеству предстоит период мрака и тьмы, но те, кто отдал или готов отдать свою жизнь ради жизни других, кто сознает, в чем истинные ценности – независимо от того, какую веру они исповедуют, – будут спасены. «Готов ли ты принять на себя часть страданий Сына Моего?» – спросила меня Дева Мария. Я, не задумываясь, согласился, и в тот же миг на руках у меня появились кровоточащие стигматы, которые не заживают вот уже целый год.

Итальянец показал в камеру свои кровоточащие ладони. Кровь с них в момент съемки не капала, но раны выглядели свежими.

– Все врет и не краснеет, – не удержался я от комментария. – Какой смысл сейчас страдать за Христа, если он избавился от телесных мук почти две тысячи лет назад? Я понимаю, если бы сегодня, в момент съемки, Иисус все еще был на кресте, тогда – да, тогда принять на себя часть его страданий – высший долг любого христианина... Посмотри на его руки. Иисуса прибивали к кресту гвоздями, значит, на ладонях у него должны остаться небольшие округлые или квадратные раны, равные сечению травмирующего предмета. А у итальянца? Да у него все ладони – сплошная рана! Он что хочет сказать? Что Дева Мария не видела ран своего сына?

Это шарлатанство, а его на всю страну показывают.

– Андрюша!

Я не стал дослушивать проповедника и пошел на кухню ставить чайник. После окончания сюжета пришла жена.

– Скажи, что ты взелся на этого Бонджованни?

– Мошенник он, а его наше телевидение как святого преподносит.

– Раны у него, похоже, настоящие.

– Гвоздем проковырял, – предположил я.

– Как врач тебе говорю: раны у него свежие.

– Значит, он уже целый год не дает им зажить. Лиза, сейчас каждый день по телевизору мошенники да экстрасенсы выступают. Что, им всем верить на слово?

– Скажи честно, почему ты так взелся на этого бедного проповедника?

– Не далее как в прошлый понедельник к нам поступил секретный приказ «О повышении взаимодействия с представителями нетрадиционных направлений в науке». В переводе с казенно-бюрократического языка это означает, что теперь при расследовании преступлений мы должны консультироваться со всякими магами, колдунами, астрологами и экстрасенсами. Не можешь сам раскрыть преступление – иди на поклон к экстрасенсу, он тебе подскажет, кто злодей, а кто невинная жертва. Это свинство, Лиза! Все маги и чародеи – мошенники и лжецы. Этот итальянец со стигматами – тоже мошенник, а его по телевизору показывают.

– А как же Ванга? – спросила жена.

– На Вангу вся болгарская разведка работает. Пока ты ждешь в очереди к ней на прием, специальный человек у тебя все выведает и Ванге передаст, а она уж навешает тебе лапши на уши! Зная крошки информации, можно такого туману напустить, что век не разберешься, что она тебе хотела предсказать. Главное, чтобы начало правдоподобно выглядело, а остальное – дело техники и доверчивости посетителя.

– А Нострадамус? Весь мир его предсказаниям верит.

– Читал я его катраны. Муть одна, как хочешь, так и понимай. О, сейчас я объясню тебе методику предсказаний! В десятом классе поссорился мой приятель с девчонкой и подстригся наголо, чтобы отомстить ей. Сидит он, лысый, дома и слышит стук в дверь. Открывает, а там цыганка по квартирам ходит, мышкует, кого бы на деньги развести. Цыганка, как увидела приятеля, так сразу же говорит: «Я вижу, ты недавно вернулся из казенного дома». Естественно, вернулся! С утра-то он в школе был, а школа что, не казенный дом, что ли?

– Хватит про экстрасенсов! Расскажи, как ты отдежурил?

– В городе было все спокойно. Я всю ночь перебирал текущие бумаги и думал о тебе...

Я встал с табурета, обнял жену и потянул ее в комнату на диван. Она стала сопротивляться:

– Андрюша,пусти меня! Мне на работу пора собираться.

– Лиза, ты сегодня во вторую смену работаешь, тебе в по-

ликлинику к двум, а сейчас еще десятый час. Был бы я ревнивцем, я бы призадумался, где ты собралась полдня провести.

– Если бы ты был психованным ревнивцем, я бы с тобой ни одного дня не прожила. Андрюша, давай оставим все на вечер. Мне правда на работу надо.

– Лиза, удели мне полчаса и иди.

– Ты можешь понять, что у меня каждая минута распланирована? Мне надо зайти в парикмахерскую, подстричь челку, а там всегда очередь. Потом к Анне Тимофеевне, примерить кофточку... Не тащи меня на диван, мне еще талоны на сахар отоварить надо! Ты же по магазинам не ходишь, все на мне лежит... Андрюша, оставь в покое пуговицы на халате!

– Лиза, если ты меня не поцелуешь, я не усну и завтра встану больной и разбитый.

Дальнейшие мои действия к успеху не привели. Жена была непреклонна: «Все на вечер!»

– Это итальянский проходимец на тебя плохо подействовал, – с обидой сказал я.

Лиза не стала ввязываться в бесполезный диспут, собралась и ушла на работу. Оставшись один, я послонялся по квартире, почитал вчерашнюю газету и завалился спать на часок-другой.

3

Через три дня меня послали на совещание по вопросам взаимодействия с представителями нетрадиционных направлений в науке. Совещание проходило в Большом зале областного УВД. Перед его началом всех присутствующих проверили по списку, чтобы никто не смог уклониться от изучения новейших методик раскрытия преступлений с помощью колдовства и магии.

Открыл совещание начальник политуправления УВД полковник Бехтерев. Откашлявшись, он поправил листочки перед собой и начал:

– На данном этапе социально-экономического развития нашего общества партия ставит перед нами новые задачи и указывает на новые пути для совершенствования профессионального мастерства в деле раскрытия и расследования преступлений.

Дальше он мог бы не продолжать, так как внимание присутствующих было уже навсегда утрачено. Как только Бехтерев произнес слово «партия», тут же все участники совещания стали заниматься своими делами. «Какая партия? – мог бы спросить начальника политуправления любой офицер в зале. – КПСС, что ли? Не смешите нас, товарищ полковник! Компартия давно уже превратилась в декоративную надстройку, которая только формально управляет государ-

ством и обществом. Пускай партия сама себе советы дает, а мы без ее ценных указаний как-нибудь обойдемся».

Как всегда на больших и бестолковых совещаниях, я стал разукрашивать абстрактными рисунками последние страницы ежедневника. Это занятие быстро надоело мне, и я стал прислушиваться к разговорам соседей. Справа подполковник из провинции рассказывал:

– Видел по телику итальянца с незаживающими ранами на руках? Это его Раиса Горбачева пригласила. Жена звонила в Москву, у нее там родня, они заверили: «У Раисы Максимовны в последнее время со здоровьем большие проблемы, вот и ищет помощи у экстрасенсов и заморских проповедников. Наши священники у нее доверия не вызывают».

Незнакомый офицер, прятавшийся от докладчика за моей спиной, поведал соседям о результатах взаимодействия с экстрасенсами в Новосибирске:

– Пропал у них в прошлом году мужик. Обстоятельства его исчезновения – самые настораживающие: бардак в квартире, на полу окровавленная рубашка. Жена пропавшего настояла, чтобы в качестве консультанта привлекли известного новосибирского экстрасенса Юлдашева. Экстрасенс посмотрел на фотографию мужика и говорит: «Его убили нерусский мужчина и две молодые женщины. Сейчас труп находится в подвале пятиэтажного жилого дома». Новосибирские менты, как услышали про пятиэтажный дом, так все в осадок выпали. Они ему говорят: «Разуй глаза и выйди на улицу!»

В нашем городе не одна тысяча пятиэтажных домов. Мы что, должны в каждой пятиэтажке подвал проверить? Сам по подвалам лазай, если тебе делать нечего». Через неделю после исчезновения мужик сам явился домой. Оказалось, что в тот день он подрался с приятелем, потом помирился с ним и всю неделю пьянствовал, «мировую» отмечал. Ни в каком подвале он не был, с нерусским мужиком в конфликт не вступал.

Начальник политуправления закончил чтение доклада на удивление быстро. Отложив прочитанные листочки в сторону, он осмотрел зал, выпил воды из графина, поправил микрофон и спросил:

– В зале есть хоть один человек, который не знает, кто такой Шерлок Холмс? Среди вас, уважаемые коллеги, есть человек, которому не знакомо имя Артура Конан Дойла?

Зал, сбитый с толку таким поворотом совещания, замер. Довольный произведенным эффектом, Бехтерев продолжил:

– Все современные ученые-криминалисты отмечают, что в самом первом учебнике по криминалистике «Расследование преступлений», написанном Гансом Гроссом, просматривается влияние идей Артура Конан Дойла. В конце XIX века в Египте сборник рассказов о Шерлоке Холмсе распространялся среди полицейских в качестве практического пособия по раскрытию и расследованию преступлений. Есть ли в рассказах Конан Дойла мистика или явления, необъяснимые с научной точки зрения? Нет. Весь цикл рассказов о

Шерлоке Холмсе – это логика, химия, баллистика и прикладная психология. Готовясь к совещанию, я сделал несколько выписок и позволю себе зачитать их. «Смерти нет. Существует другое измерение, где душа человека продолжает существовать после его физической гибели. С помощью спиритических сеансов можно установить контакт с душой умершего. Спиритизм – это окно в потусторонний мир». Автор этих строк – Артур Конан Дойл. В возрасте семидесяти одного года он объявил жене, что умрет седьмого июля. Именно в этот день перестало биться его сердце. В своем последнем послании Конан Дойл написал: «Я победил вас, господа неверующие! Смерти нет. До скорой встречи».

Зал безмолвствовал. Авторитет Артура Конан Дойла среди офицеров милиции был непререкаем. Если отец Шерлока Холмса считал, что спиритизм – это серьезная наука, а не шарлатанство, то...

– Поднимите руку, кто сталкивался с необычными и необъяснимыми явлениями, – попросил Бехтерев. – Отлично! Половина зала соприкасалась в своей практической работе с явлениями, не объяснимыми ни с логической, ни с физической точки зрения. Половина зала.

Начальник политуправления постучал карандашом о трибуну, строго посмотрел на собравшихся.

– По вашим лицам вижу: все основные положения моего доклада вы пропустили мимо ушей. Вот этот майор, из второго ряда, беспрерывно что-то рассказывал соседям.

Говорливый майор покраснел, поднялся с места. Участники совещания осуждающе посмотрели на него: «Это же надо додуматься – проигнорировал интереснейший доклад начальника политуправления! Кто его в милицию принял? Гнать его в три шеи, если на совещании молча сидеть не умеет!»

– Уважаемый коллега! – обратился к провинившемуся майору Бехтерев. – Запомните, я не фокусник из дешевого балагана, а заместитель начальника областного УВД. От имени генерала Удальцова я объявляю вам выговор. Секретарь совещания! Запишите данные майора – и в завтрашний приказ его.

– Как сформулировать причину взыскания? – уточнил секретарь собрания.

– Прибыл на оперативное совещание с грубейшим нарушением формы одежды. Посмотрите на него! У этого разгильдяя наружный клапан кителя заправлен внутрь, словно он только что руку из кармана вынул.

Вернув в зал дисциплину, Бехтерев напомнил основные направления взаимодействия с экстрасенсами и ясновидящими. Свой доклад он закончил словами:

– Все сказанное представителями нетрадиционных направлений науки вы должны просеивать через мелкое ситечко, но оставлять их предсказания без должного внимания недопустимо.

После его выступления на трибуну поднялся заместитель

начальника штаба областного УВД. Как истинный канцелярист, он был сух и краток:

– Записываем!

В зале дружно зашуршали ежедневниками. Из задних рядов донесся раздраженный шепот: «Ручка не пишет! У тебя нет запасной?»

– Все готовы? – спросил штабист. – Записываем: выдержка из приказа начальника областного УВД за номером 488 дсп. «Во исполнение решений Коллегии МВД СССР от второго сентября текущего года, приказываю: в срок до двадцать четвертого сентября сего года представить в штаб УВД и Управление уголовного розыска аналитические справки о «Состоянии взаимодействия с представителями нетрадиционных направлений в науке». Контроль за исполнением приказа оставляю за собой. Подпись: генерал-майор милиции Удальцов». Всем все понятно? Кто не представит справку в понедельник – будет строго наказан. Запомните: работа с экстрасенсами и ясновидящими стоит в Москве на особом контроле.

«Мерзкая история! – подумал я, выходя с совещания. – Никогда в жизни всерьез не интересовался экстрасенсами, а придется по ним справку писать. Наверняка Малышев на меня повесит эту галиматью. Пропади они пропадом, эти ясновидящие! До понедельника остался один рабочий день. Опять придется в выходные писаниной заниматься».

В городском управлении меня ошарашили неприятной

новостью: Малышев сломал руку и пошел на больничный. Исполнять его обязанности начальник областного управления уголовного розыска поручил мне. Не подполковнику Геннадию Александровичу Клементьеву, формально считавшемуся первым заместителем Малышева, а мне.

Бегло ознакомившись с состоянием преступности за сутки, я вызвал оперуполномоченного Ключникова, отвечавшего в нашем отделе за аналитическую работу.

– Александр Лукич! Отбрось на время все дела и займись представителями нетрадиционных отраслей науки. К вечеру пятницы подготовь мне обзорную справку о всех колдунах и экстрасенсах, промышляющих в нашем городе. Рассусоливать ничего не надо. Коротко, емко: фамилия, имя колдуна, чем занимается, наличие сведений о сбывшихся предсказаниях.

– «Космогонию» в обзор включать?

– А что, в «Космогонии» не шарлатаны засели? – ответил я вопросом на вопрос. – Всех охвати. Мелочь, типа карточных гадалок, можешь пропустить, а вот по экстрасенсам пройдишь мелким гребешком, всех проанализируй.

Свалив на Ключникова нудную рутинную работу, я взялся за давно интересующую меня тему и, пользуясь неожиданно доставшейся мне властью, издал распоряжение: представить в городское управление все материалы по нераскрытым изнасилованиям.

«Побольше мути, поменьше конкретики! – решил я. – Ес-

ли я открытым текстом запрошу материалы по преступлениям, схожим по своему почерку с нападением на гражданку Андрейчук, то мои ушлые коллеги запрятут их куда подальше. Мухлеж напоказ выставлять никто не любит, а так – не разберутся, что именно я запрашиваю, и привезут все материалы чохом. Осень настала. Пора насильнику-каратисту показать свои уши. Или оскал. Тут уж как получится».

Не успела опуститься на город быстрая осенняя темнота, как ко мне в кабинет влетел Далайханов.

– Андрей, у нас ЧП! Насильник объявился. Ты не поверишь, он совершил нападение в том же сквере, что и в апреле.

– Мать его! – взъелся я. – Будь моя воля, я бы этому Еремченко собственноручно морду разбил и никогда бы в этом не раскаялся. Привык, падла, мамочкой прикрываться. Прокурор ему посоветовал! Чего стоишь? Бери с собой Симонова, и поехали на место.

Заброшенный сквер в Заводском районе состоял из короткой основной аллеи, связывающей две оживленные улицы, и двух пешеходных дорожек, пересекающих аллею в начале и в конце пути. Детские площадки в сквере были давно разрушены, лавочки разломаны, газоны заросли сорной травой. Городское освещение в сквере не работало: то ли хулиганы побили все фонари, то ли его отключили для экономии электроэнергии.

К моменту нашего прибытия сквер утопал в темноте, и

только предполагаемое место происшествия освещалось фарами милицейских автомобилей.

«До восхода солнца мы тут ничего не найдем, – решил я. – При таком скудном освещении мы только все следы затопчем».

– Где Еремченко? – спросил я.

– Я здесь, – недовольным тоном ответил из темноты начальник Заводского уголовного розыска.

– Я тебя предупреждал или как? Тебе недосуг было по горячим следам насильника искать, так теперь в темноте его поищи.

– Собака след взяла, – пробурчал Еремченко. – До остановки довела и потеряла.

– Значит, так! – распорядился я. – До утра обеспечить охрану места происшествия. Можешь сам тут ночевать, можешь из отдела силы привлечь, но запомни: если на эту полянку ступит нога человека, ты лично получишь выговор от Большакова. В область я не полезу, а от начальника городского УВД взыскание обеспечу. Тебе все понятно?

– Понятно-то понятно, – процедил сквозь зубы Еремченко, – только кто сказал, что это тот же самый насильник? Снаряд в одну воронку два раза не падает. Каратист наш вроде бы умный парень был, а тут – идиотизм. В том же самом месте бабу в кусты потащил.

Я не стал с ним препираться и велел привести к моему автомобилю потерпевшую. Возрастом, внешностью и телосло-

жением она была похожа на Андрейчук. Схема нападения была той же самой, но с поправкой на темное время суток.

– Когда я лежала на земле, – срывающимся в плач голосом рассказывала потерпевшая, – то он душить меня начал. Сзади на шею руками надавил, я захрипела, он ослабил хватку и стал ерзать по мне, а потом поднялся и убежал. Примет его я никаких не запомнила, но изо рта у него пахло мятной жевательной резинкой. Он, когда на мне возился, дышал мне прямо в лицо. Плавки попортил, сволочь...

– Как попортил? – не понял я. – В грязи извозил?

– Ножом между ног разрезал. Колготки с плавками до колен стянул и пополам их рассек.

– Вот видишь, совсем другой почерк, – встрял в разговор Еремченко. – Прошлый насильник нож в ход не пускал.

– Помолчи! – набросился на него Далайханов. – Дай шефу с потерпевшей разобраться.

Я обнял пострадавшую за плечи, отвел подальше от людей в темноту.

– Он ничего не успел сделать? – доверительно спросил я.

– Возился на мне, дышал мятой, дергался, хрипел от возбуждения. Я все ждала, когда он, ну, начнет, а он даже раздеться не стал. Ерзал по мне, ерзал, встал, обругал меня матом и убежал.

– Это ваша авоська на лавочке лежит?

– Моя. Я из магазина шла, хотела путь сократить. Всю жизнь через этот сквер ходила, и ничего. А тут – раз! – и му-

жик с ножом. Он говорит мне: «Не вздумай закричать, прирежу!» А я так перепугалась, что не то что закричать, слово сказать не могла. Стою, замерла на месте, он ножом меня в ляжку кольнул: «Иди, сука, вперед, – говорит, – и не смей оглядываться».

Дождавшись на месте происшествия следователя прокуратуры, я вернулся в управление, а оттуда поехал домой. Жена с порога почувствовала, что я вернулся в скверном расположении духа.

– У тебя что-то случилось, Андрей?

– Какой сегодня день недели? Четверг? У меня был «черный» четверг. Одни неприятности. – Я стал раздеваться, попутно рассказывая Лизе о событиях минувшего дня. – Вначале приказали составить аналитическую справку о нашем взаимодействии с магами, колдунами и экстрасенсами. Помнишь итальянца со стигматами? Это его Раиса Горбачева в Москву пригласила. Следующим, наверное, она в Кремль зазовет главного жреца религии вуду с острова Гаити. Дела у ее муженька идут неважно, вот и возьмутся всей семьей колдовать. Сделают фигурки врагов перестройки и будут в них иголками тыкать. Лиза, веришь, я сегодня одному своему коллеге хотел морду набить, да толку с этого никакого не будет. У его родителей дача в одной деревне со Шмыголем, начальником областного уголовного розыска. Его маманя дружит с женой Шмыголя. В сельский магазин вместе ходят, молочко у одной и той же тетки покупают, рассадой обме-

ниваются... Так, что-то я не туда поехал. Вначале были колдуны и экстрасенсы, а потом Малышев сломал руку. Пока я умные речи в областном управлении выслушивал, Малышев поехал на спортдень. Ты помнишь, мы Николая Алексеевича на улице встречали? У него живот, как у буржуя с революционного плаката, в нем больше ста килограммов живого веса, ему через два года полтинник стукнет, а он в волейбольчик поехал поиграть. Мячиком постучать. Подпрыгнул у сетки, приземлился неудачно и сломал руку. Скажи, зачем с его пузом в волейбол играть? Занялся бы более мирным видом спорта. Шахматами, например. Или шашками.

– Пошли ужинать, – позвала Лиза.

Я сел за стол, пододвинул к себе тарелку и продолжил жаловаться:

– Сломал мой босс руку и ушел на больничный. Спрашивается, а что, со сломанной конечностью нельзя отделом руководить? Голову же он не повредил. Нет, блин, прикинулся больным и все на меня свалил.

– Клементьеву отдел не доверили? – спросила бывшая в курсе моих дел жена.

– У Геннадия Александровича хорошие связи в нашей поликлинике. Как только он запьет, так ему тут же справочку выписывают: ОРЗ, насморк, радикулит, запор, диарея. Все, что хочешь, напишут! Только шила в мешке не утаишь. Тот же Шмыголь знает, каким он «насморком» мучается. Дождется Геннадий Александрович неприятностей на свою го-

лову. Такой здоровый был мужик и так опустил в последние годы!

– Это все или еще что-то есть?

– Есть такой тип – начальник Заводского уголовного розыска Еремченко. Мама его через жену Шмыголя сыночку карьеру делает. Все бы ничего, только как опер Еремченко ничего не стоит. Он не романтик, не борец за идею, а так себе, приспособленец. День прошел без происшествий – гора с плеч долой. Была бы у его родителей дача в одной деревне с начальником политуправления, сейчас бы Еремченко делал карьеру по партийной линии или по штабной, ему то по фигу, где баклуши бить. М-да. Как в популярном детском стишке: «Мама с папой говорят: в жизни все решает блат!» Без блата и знакомств нынче – никуда. Своим умом в милиции карьеру не сделаешь. На каком-то повороте тебя маменькин сынок обязательно обгонит.

– Ты уже говорил про это, – напомнила жена.

Я сделал вид, что обиделся на замечание, и больше ей за ужином ничего не рассказывал.

Покончив с поздней трапезой, мы перебрались в зал, включили телевизор. На экране появился мордастый ведущий вечерних молодежных программ. Полным загадочности голосом он сообщил:

– Сегодня мы расскажем вам об экстрасенсах...

Я вскочил и переключил телевизор на другую программу. Там шла местная передача об успехах мясного животновод-

ства в сельхозпредприятиях области.

– Меня в последнее время все больше и больше раздражает открытая и глупая ложь, которой нас пытаются потчевать, – сказал я. – В магазинах пустые полки, а по телевизору долдонят, что у нас мяса завались. На кого это рассчитано, на идиотов?

– Успокойся, – обняла меня жена.

– Лиза, у нас есть какой-нибудь подходящий повод зайти к Макару Петровичу в гости? Мне неохота к нему на работу идти, а одному в гости – как-то неудобно. Твой же родственник, не мой.

– Можно подумать, что ты к своим родственникам часто в гости ходишь. До конца сентября твои проблемы подождут? На следующее воскресенье ничего не планируй. Я найду повод заглянуть к ним на огонек.

Я чмокнул жену в щеку, прикрыл глаза и ощутил себя счастливым человеком.

– Андрюша, – мило проворковала супруга, – сегодня двадцатое число. Ты зарплату получил?

– Не успел, завтра принесу. А что, у нас деньги закончились?

– У меня финансовых ям не бывает, но и про получку забывать не стоит.

На рассвете я выехал на место происшествия. По пути забрал заспанного Айдара и эксперта-криминалиста. Как только солнце поднялось над крышами домов, мы пошли на полянку, где неизвестный преступник уже дважды пытался изнасиловать женщин.

При тщательном осмотре места происшествия мы обнаружили четкий след обуви с характерным рифленным рисунком и начальными буквами названия фирмы-производителя «Adi» – «Адидас».

– Это его след, – сказал я. – Если бы вчера кто-то из наших милиционеров был обут в «Адидас», я бы заметил. Кроссовочки с тремя полосками – вещь приметная.

– Сто рублей пара, – дополнил Айдар. – Ереванские кроссовки на рынке по сотке идут, а фирменные рублей двести будут стоить. Наш клиент не бедный человек. По грязи да по лужам в кроссовках «Адидас» только богач бегать будет.

– Вот здесь он положил потерпевшую на землю, – показал я на разворошенные опавшие листья. – Стал обходить ее сзади и наступил на мягкую почву.

– Сорок третий размер, – сказал криминалист, измерив след рулеткой.

– Не такой уж он и высокий, как говорят, – заметил я. – У меня размер обуви сорок два с половиной, но никто не

считает меня человеком высокого роста.

– Размер обуви и рост не всегда находятся в прямой пропорции. Могут быть исключения.

Эксперт отломал у куста шиповника несколько тонких веточек, сделал из них арматуру, залил оттиск ноги преступника гипсом. Пока он трудился, мы с Айдаром прочесали полянку вдоль и поперек, но ничего интересного больше не нашли.

– Расширим круг поиска, – предложил я. – Иди в ту сторону, а я прогуляюсь вдоль аллеи по направлению к выходу.

Удача улыбнулась Айдару. Отойдя в дальний угол сквера, он нашел еще один след.

Я изучил новый оттиск кроссовок. Наименования фирмы на нем не было, зато хорошо отпечатались пятка с зубчиками по краям. Сомнений никаких не было – этот след оставил тот же человек, что наследил на месте нападения на потерпевшую.

– Вот еще улика. – Я наклонился и подобрал затерявшуюся среди травинок выпотрошенную сигарету с фильтром «Космос». Сигареты так себе, но стоят дорого – семьдесят копеек пачка.

– Он зашел сюда через дыру в заборе, – сказал Айдар.

– Угу! – согласился я. – Пока мы ночью осматривали полянку, он стоял тут и наблюдал за нами. Он – в темноте, мы – в свете фар автомобилей. Вот ведь сволочь! Чую, даст он нам прикурить.

– Зачем он вернулся? Что-то потерял?

– Да нет, он по другой причине вернулся. Видишь пустую сигарету? Он высыпал из нее табак, чтобы собака не могла след взять. Сложи логическую цепочку. Сигарету он достал из пачки, значит, карманы у него застегиваются, иначе он бы выронил ее, пока на потерпевшей ерзал. Вывод второй. Он пожертвовал хорошей сигаретой, значит, решение вернуться в сквер принял спонтанно. Если бы он заранее думал о собаках, то запасся бы дешевым табаком. «Приму» купил бы или «Астру».

– Преступника всегда тянет на место совершения преступления? – предположил Айдар.

– Не тот случай! Если бы он убил потерпевшую, тогда бы мог вернуться, чтобы насладиться деянием рук своих, а так... Айдар, этот подонок куражится над нами. Представь, нас на месте происшествия целая толпа. Мы ходим взад-вперед, наши тела загораживают свет фар, мелькают огоньки сигарет. Бесплатный театр, цирк! Он стоит тут в кустах и посмеивается, пузыри из мятной жвачки надувает. Ты больше ничего не нашел? Давай поищем, может быть, он еще что-то по неосторожности выбросил.

Мы шаг за шагом прошли весь предполагаемый путь преступника от его временного наблюдательного пункта до забора. С противоположной стороны декоративной решетки, огораживающей сквер, я нашел смятую фольгу от жвачки. Подобрал ее, понюхал. Фольга пахла мятой.

– Составь протокол дополнительного осмотра места происшествия, – велел я Далайханову, а сам пошел на аллею, остановил двух ранних прохожих и, несмотря на их протесты, привлек к участию в осмотре в качестве понятых.

– Давайте я подпишусь, где надо, и побегу на работу, – нервничал мужчина-понятой. – Меня начальство взгреет, если я опоздаю к открытию магазина.

– Я тебе повестку с печатью дам, – попытался успокоить я понятого. – Очень уважительная причина для опоздания.

– Какая повестка! – От избытка чувств мужчина замахал перед собой руками, словно отгонял от лица надоедливую осеннюю муху. – Я у кооператоров работаю. Плевали они на все ваши повестки. У них принцип простой: или ты на работе, или прогул. Заболел, транспорта не дождался – ничего не считается.

– Скажи своим кооператорам, – жестким официальным тоном заявил я, – пускай они плюют на кого хотят, но пока существует советская милиция, вы все будете жить по законам, которым мы присягали. Рыпнутся твои боссы, позвони мне. Я им такую проверку обеспечу, что без штанов останутся.

– Ага, – саркастически усмехнулся понятой. – Они – без штанов, а я – без работы. Спасибо за «отеческую» заботу. Я с хозяевами как-нибудь сам разберусь. В выходные опоздание отработаю.

«Вот так и живем, – подумал я. – Мужик, не задумываясь,

как само собой разумеющееся, называет своего работодателя «хозяином». Звериный оскал капитализма. Еще немного, и обращение «товарищ» заменят на «господин». Куда страна катится? Объяснили бы народу: «Товарищи, дамы и господа! Заветы Ленина оказались полной ерундой. Игры в социализм себя не оправдали. С завтрашнего дня начнем строить развитой капитализм». Никто бы возмущаться не стал. Пустые полки в магазинах и талоны на колбасу давно уже всем надоели».

Вернувшись в управление, я собрал на совещание весь личный состав городского отдела уголовного розыска.

– Сегодня я освобождаю вас от всех текущих дел, и мы займемся человеком, который считает, что он умный, а мы дураки.

На миг я представил человека, наблюдающего за мной из темноты. Он стоит, пожевывает мятную жвачку, издевательски ухмыляется, посыпает вокруг себя табаком из распотрошенной сигареты. Он видит, как я беседую с потерпевшей, вспоминает, как терся о ее ягодички и испытал извращенный оргазм.

«Ему мало было получить физическое удовлетворение, – отчетливо понял я. – Он вернулся, чтобы насладиться триумфом своей неуловимости и безнаказанности... Ничего, волчара! Дай срок – встретимся, и я воздам тебе и за хамство, и за ухмылочку в темноте».

Отбросив нахлынувшие эмоции в сторону, я обратился к

коллективу:

– Опера! Вчера ночью насильник вернулся на место происшествия и наблюдал за действиями следственно-оперативной группы. Я расцениваю его поступок как неприкрытое хамство, как плевок во всех нас. Хамство должно быть наказано.

Сидящие напротив меня оперативники дружно кивнули в знак согласия: «Хамство – проступок непростительный».

– Итак, – продолжил я, – половина из вас сегодня получит предписание и поедет с проверкой по территориальным отделам и отделениям. Вторая половина останется для проверки отказных материалов здесь, в управлении. Переверните все, попробуйте на вкус каждую бумажку, прочтите до последней буковки каждое объяснение. Меня интересуют все материалы по нападению на женщин, совершенные в этом и прошлом годах. Мотив нападения – удовлетворение сексуального влечения. Бытовуха в стиле «Мы вместе пили, я не хотела, а он завалил меня на кровать» меня не интересует. Только нападения. Любые происшествия, которые покажутся вам странными и нелогичными, вы должны изучить и доложить мне. Все, за работу!

После ухода оперативников в кабинете остался Ключников.

– Александр Лукич! Тебя насильник не касается. Занимайся колдунами. К вечеру я жду справку.

– Мне ее засекретить? – спросил аналитик.

– Зачем? Когда я прочитаю и одобрю текст, тогда и зарегистрируешь, а пока не надо излишний официоз напускать. Мы же не агентурной разработкой экстрасенсов занимаемся, а так, изучаем их, как блох под микроскопом. Ты видел по телевизору мужика с незаживающими ранами на руках?

– Говорят, что этот итальянец с Горбачевым встречался и передал ему устное послание Девы Марии ко всем главам государств и правительств.

– Посадить бы его в ИВС на пятнадцать суток, он бы совсем другое послание рассказал. И ручки бы у него за две недели зажили, и ножки, и в голове просветление наступило. Иди, Александр Лукич, трудись! Розыск насильника – это моя частная инициатива, а колдуны и экстрасенсы – дело государственной важности! Без их пророчеств теперь работать не будем.

5

Вечером я забрал подготовленные Ключниковым документы и увез их домой. Жена, увидев, с каким интересом я изучаю справку, спросила:

– Андрей, ты что привез? Материалы про экстрасенсов? Дай почитать. Интересно же, что про них пишут.

– Лиза, это информация «для служебного пользования». Маленьким девочкам читать про колдунов вредно.

– Перестань! Давай сюда, что уже успел прочитать. Андрей, если ты не поделишься со мной докладом, то я к дяде Макару в гости не пойду.

– Держи, но помни: о колдунах – никому ни слова!

– Ой-е-ей, страшно-то как стало! – передразнила меня жена. – Как выйду на работу, так всей поликлинике расскажу. Здесь и про «Космогонию» есть?

– Лиза, читай молча! У меня был трудный день, и если ты меня будешь дергать по каждому поводу, то я не пойму, что здесь написано.

– Будешь мне угрожать – я тебя сегодня спать на раскладушку отселю, – обиженно заявила жена.

Я усадил Лизу рядом с собой на диван и углубился в чтение.

«Старец Исидор Крестовский, он же по паспорту Михайлов Борис Евгеньевич, пятьдесят два года, бывший препода-

ватель марксистско-ленинской философии, доцент, кандидат философских наук. В 1988 году уволился из университета и объявил себя экстрасенсом и провидцем, получившим знания из секретных материалов спецбиблиотеки областного комитета КПСС. Женат вторым браком, имеет двух детей. Основные виды деятельности: предсказания, составление индивидуальных гороскопов, снятие порчи и сглаза. Активно торгует амулетами и снадобьями собственного изготовления. В прошлом году предсказал введение талонов на ряд продовольственных товаров».

– Забавный тип, – сказал я жене. – Он умудрился обвести вокруг пальца обком партии, и его до сих пор машина не сбила. Свежо предание, да верится с трудом! Если бы «уважаемый» товарищ Михайлов хоть слово сказал о настоящих секретах партии, то на его могиле давным-давно бы сорняки проросли.

– А что, в обкоме есть секретная библиотека? – заинтересовалась Лиза.

– Конечно, есть. Не знаю, как сейчас, а раньше все партийные функционеры высокого ранга имели допуск к работе с документами, имеющими гриф секретности. Когда я учился в Омске, послали нас копать картошку в подшефный совхоз. Вдруг видим, начальство забегало, засуетилось. Оказывается, с проверкой по полям поехал первый секретарь Омского обкома партии. Наш замполит собрал нас в кучу и говорит: «Если подойдет к вам первый секретарь, то надо встать по

стойке «смирно» и представиться. Первый секретарь обкома партии – это ранг, соответствующий генерал-майору армии или милиции». Вот так-то жили. А нынче? Партия – отдельно, котлеты – отдельно. Представь, Лиза, что в Москве решили поправить дела в экономике с помощью магов и экстрасенсов и разослали по местам совершенно секретный меморандум. «Только для личного ознакомления. По прочтении сжечь! Чтобы восполнить дефицит лекарств, предлагаем нетрадиционный метод лечения инфекционных заболеваний. Вместо исчезнувших навсегда антибиотиков больным следует выдавать отвар из пупырчатых жаб, сваренных в обезжиренном молоке».

– Фу, какая гадость! Что у тебя за тяга ко всяким жабам да лягушкам?

– Научно доказанный факт: все колдуны лечатся отваром из жаб. На колдунов современные лекарства не действуют. Тот же старец Исидор, если заболит, то в аптеку не пойдет. Какой он знахарь и травник, если сам себя излечить не может? Интересно, он порошок из сушеных пиявок продает или пока стесняется?

– В докладе ни про лекарства, ни про отвар из жаб ничего нет, это ты все выдумываешь. Давай дальше читать.

«Астара, она же по паспорту Абдырхманова Этери Амировна, пятьдесят лет, вдова, детей нет. Проживает в одной квартире с младшей сестрой, которая ведет хозяйство и выполняет обязанности помощницы при совершении магиче-

ских обрядов. В 1989 году Абдырхманова приехала в нашу область из Таджикистана и объявила себя реинкарнацией Алламатус-Ин, верховной жрицы древнеассирийской богини плодородия Иштар. По словам Абдырхмановой, после реинкарнации она обрела способность управлять энергетическими потоками человека и предсказывать его будущее. Чем занималась Абдырхманова в Средней Азии, неизвестно. Виды деятельности в настоящее время – предсказания будущего на магическом кристалле, снятие порчи, венца безбрачия, сглаза и тому подобное. Торгует амулетами, снадобьями, привораживающими порошками и средствами от алкоголизма. Проводит сеансы неконтактной мануальной терапии, восстанавливает энергетические потоки в теле человека, «чистит» ауру от накопившейся негативной энергии. В число клиентов Астары входят многие состоятельные люди нашего города. Открыто враждует с руководством «Космогонии», а старца Исидора считает самозванцем и шарлатаном. Плату за свои услуги взимает под видом добровольных пожертвований. По сведениям, полученным от клиентов Астары, практически все ее предсказания, касающиеся любви и частной жизни, сбываются».

– У нас одна медсестра ходила к ней, – сказала Лиза. – Заплатила сто рублей и узнала, почему у нее в последнее время сплошные неприятности в жизни. Оказывается, мужа нашей медсестры приворожила женщина по имени Наташа. Астара продала медсестре магический отвар. Она тайно подлила

отвар мужу в пищу, и он во всем сознался: и в том, что изменял ей с женщиной по имени Наташа, и в том, что хотел уйти из семьи к любовнице.

– Фигня! – насмешливо ответил я. – Совпадение. Бред си-
вой кобылы.

– У тебя все фигня да совпадение! Ничего рассказывать
нельзя. Знаешь, чем история закончилась? Муж остался в
семье и бросил любовницу. Если бы не зелье, то ушел бы к
другой...

– Пожил бы у нее месяц и вернулся назад.

– Андрей, ты почему, как баран, упрешься рогом и ни во
что не веришь? Я тебе еще раз рассказываю. Медсестра при-
несла ей фотографию мужа. Астара взглянула на нее и гово-
рит: «Все твои беды от любовницы мужа по имени Наташа».
Откуда бы она все знала? Астара – не Ванга, на нее болгар-
ская разведка не работает.

– Всему на свете есть объяснение! Давай подумаем о ее
магии вместе. Астара приехала к нам из Таджикистана, где
от законной власти остались рожки да ножики. Таджикистан
граничит с Афганистаном, а там почти всю территорию кон-
тролируют полевые командиры. На подвластных им землях
крестьяне выращивают опиумный мак и получают из него
опий-сырец в промышленных масштабах. Там же, в Афга-
нистане, в подпольных лабораториях опиум перерабатывают
в героин. Могу предположить, что химики, работающие на
полевых командиров, научились из опиума или героина по-

лучать вещество, от которого появляется неудержимая болтливость. Астара купила у афганцев этот препарат и сейчас выдает его за зелье, изготовленное по рецептам древнеассирийских жрецов.

– А как же с именем Наташа?

– Тут еще проще. Астара угадала имя, а если бы промахнулась, то объяснила бы вашей медсестре, что Наташа – это космическое имя разлучницы, а в миру ее могут звать как угодно, хоть Полина, хоть Марина.

– Еще могу случай рассказать, – не унималась Лиза. – У моих родителей знакомая мучилась от ужасных головных болей. Каких только она препаратов ни принимала, у каких только врачей ни лечилась – ничего не помогало! Сходила к Астаре, та ей ауру прочистила, и все прошло. Оказывается, это на нее давний враг порчу навел, перекрыл энергетические потоки в голове.

– Лиза, скажи мне как врач: ты сама веришь во всю эту дребедень с «чисткой» ауры и закупоркой энергетических потоков?

– Нельзя быть таким скептиком, как ты. Астара действительно обладает сверхъестественными способностями, а ты ее хочешь в жульничестве обвинить.

– Читаем дальше. «Космогония» (с греч. мир, Вселенная) – общество, основанное в Ленинграде в 1965 году Фроловым Леонидом Николаевичем (1922–1990 гг.). В 1974 году Фролов публикует за границей и в самиздате свой глав-

ный труд «Теория удовольствий». В данном трактате Фролов пропагандирует эпикурейство как единственно верное философское учение, основанное на естественной тяге человека к получению удовольствий. «Человек смертен, жизнь его коротка, – пишет Фролов. – Обществу и правительству до нужд человека нет никакого дела, у них своих забот полно. Что нужно делать, чтобы жизнь твоя прошла с пользой для тебя лично, а не приносила блага кому-то другому? Нужно веселиться и наслаждаться, получать удовольствия, не заботясь о бедности и болезнях в будущем».

С момента основания «Космогонии» власти преследовали Фролова и его учеников. Книга «Теория удовольствий» была запрещена, хранение и распространение ее преследовалось в уголовном порядке. Сам Фролов в период с 1965 по 1987 год был судим за изнасилование и тунеядство, трижды по решению суда направлялся на принудительное лечение в психиатрические клиники закрытого типа. В 1987 году Фролов был выписан из психиатрической больницы города Пермь и переехал на постоянное место жительства в Сибирь, в наш областной центр. В марте 1990 года Фролов скончался. Тело его было сожжено учениками, прах развеян. Рукопись с первоначальным текстом «Теории удовольствий» хранится адептами Фролова как главная реликвия его учения».

– Ничего не скажешь, пострадал дядя за свои убеждения, – сказал я.

– Андрей, что за варварство, разве его не должны были

похоронить?

– Нигде в наших законах не прописано, что умершего надо обязательно хоронить на кладбище. Я немного помню этот конфликт. Фролов умер в больнице. Тело его перевезли к зданию, арендуемому «Космогонией», и торжественно сожгли во дворе. Возмущенные жители близлежащих домов обратились в прокуратуру, началась проверка. Ученики Фролова заявили: «Наш покойник, что хотим с ним, то и делаем. Если хотите нас судить, то вначале отправьте на скамью подсудимых тех, кто выставил тело Ленина на всеобщее обозрение. Мы над останками покойного учителя не издевались, а тело Ленина уже шестьдесят с лишним лет непогребенным лежит». Пока шло разбирательство, пока материалы проверки пинали из прокуратуры в милицию, у «Космогонии» нашлись влиятельные покровители, и конфликт замяли.

– Фролов был судим за изнасилование, как он мог с такой судимостью пользоваться авторитетом у своих учеников?

– Скорее всего, его подставили и осудили по ложному обвинению. До перестройки с идейными врагами боролись всеми доступными способами. Фролов, судя по его биографии, прошел через все круги ада: и в зоне побывал, и в психбольнице... Странный был тип. Представь человека, который в брежневские времена во всеуслышание заявил: «Стройте светлое коммунистическое общество без меня, а я буду веселиться и жить в свое удовольствие». Он что думал? Что

его за такие высказывания по головке поглядят? Явно знал, на что шел. Читаем дальше. «После выписки из психбольницы главными учениками и последователями Фролова стали брат и сестра Перфиловы.

Перфилов Юрий Владимирович, пятьдесят пять лет, по образованию врач-психиатр. В период с 1982 по 1987 год – лечащий врач Фролова в пермской психиатрической клинике закрытого типа. Дважды женат, трое детей. После переезда в Сибирь заочно развелся со второй женой, в настоящее время контактов с бывшими женами и детьми не поддерживает. Официально числится председателем кооператива по изготовлению женской одежды. Фактически – возглавляет «Космогонию».

Перфилова Софья Владимировна, сорок лет, не замужем, детей нет, по образованию психолог. В «Космогонии» занимается отбором новых членов общества. Официально – домохозяйка. Проживает совместно с братом.

Еще при жизни Фролова Юрий и Софья Перфиловы кардинально переработали его учение, заменив эпикурейство как смысл жизни на общение с космическим разумом.

В настоящее время «Космогония» является добровольным обществом сектантского типа. Она состоит из трех уровней.

Первый уровень называется «Свободное общение». В него принимаются все желающие без ограничения. Никаких прав и обязанностей, кроме «добровольных» пожертво-

ваний, они не имеют. В процессе общения членов первого уровня Софья Перфилова отбирает из них лиц, достойных для прохождения базового учения.

Второй уровень – «Познание космического разума». Перешедшие на второй уровень ученики называются «просветленными». Во время лекций и семинаров, проводимых Перфиловыми или приглашенными ими лицами, ученикам внушается доктрина о существовании космического разума, который руководит всеми процессами, происходящими на Земле.

Третий уровень – «Посвященные». Им дается право самостоятельно общаться с космическим разумом. Войти в число «посвященных» является высшей честью для любого члена «Космогонии».

Брат и сестра Перфиловы в «Космогонии» стоят обособленно, ни в один уровень не входят.

Местом базирования организации является здание бывшего Дворца пионеров Заводского района».

– Это все? – удивленно спросила Лиза. – Больше разговоров про эту «Космогонию».

– А что ты хотела про нее узнать? Про третий уровень? Могу рассказать, так как знаю о нем из нескольких источников. В третий уровень входят женщины, которым Перфилов промыл мозги до стадии полного подчинения своей воле. Они искренне и безропотно верят во все им сказанное. Чтобы стать «посвященной», надо пройти обряд единения

с космическим разумом. Посредником между кандидаткой в «посвященные» и космическим разумом выступает Юрий Перфилов. Сам обряд – это половой акт, во время которого космическая энергия через мужчину-проводника передается женщине-кандидатке.

– У нас совсем другое про «Космогонию» рассказывают. Были женщины из нашей поликлиники на их семинарах. Никто там никого в кровать не тащил.

– Не передергивай факты! Я не говорил, что всех членов «Космогонии» принуждают к сексу. Обряды второго и третьего уровней держатся в секрете. О сущности единения с космическим разумом через мужчину-проводника рядовые члены «Космогонии» даже не догадываются. Первый уровень «Космогонии» – это не закрытая секта, а дискуссионный клуб, где все желающие делятся своими проблемами и получают рекомендации, как поступить в той или иной жизненной ситуации. Все разговоры о космическом разуме на первом уровне идут фоном. На новый уровень приглашают только тех, кто всерьез начинает интересоваться теориями влияния космического разума на жизнь человека.

– Давай я тебе расскажу случай, который был у нас в поликлинике.

– Лиза, – начал было я, но жена даже дослушивать не стала.

– Андрей, почему, когда ты рассказываешь, я слушаю, но если я хочу тебе что-то рассказать, то ты меня обязательно

перебиваешь? Это ужасно...

– Стоп! – Я поднялся с дивана, встал напротив жены, посмотрел ей в глаза. – Первый и главный принцип «Космогонии» – выслушивать всех желающих. Смоделируй нашу ситуацию применительно к ним. Представь: я не хочу вникнуть в возникшие у тебя проблемы, постоянно затыкаю тебе рот. На работе до твоих жизненных неурядиц тоже никому нет дела. Ты идешь в «Космогонию» и там находишь подруг по несчастью. Вы плачетесь друг дружке в жилетку, промываете косточки бессердечным мужьям, а в это время Софья Владимировна или ее подручные смотрят, у кого из вас неустойчивая психика и кого можно заманить в свои сети. Теперь рассказывай про случай в поликлинике.

– Я тебе другой случай расскажу. Есть у меня на участке семья Богачевых, у них двое маленьких детей, которые постоянно болеют. Мама в этой семье не работает. Когда ей надо куда-то сходить, с детьми сидит бабушка. Однажды, когда дома никого из взрослых не было, бабушка стала наводить порядок в шкафу и нашла проявленную фотопленку. Просмотрела ее на свет и увидела негатив, где ее зять стоит в обнимку с двумя незнакомыми девицами. Бабушка забрала эту пленку себе, распечатала нужную фотографию и предъявила ее Богачевым. Зять никак не стал объяснять свое поведение, посмеялся над тещей и посоветовал ей больше в чужих вещах не копаться. Жена его, вся в растрепанных чувствах, пошла на семинар в «Космогонию», и там ей объяснили, что

это космический разум испытывает ее семейные отношения на прочность. Она успокоилась и стала дальше жить, как будто ничего не произошло.

– Какой счастливый конец у этой истории! – сыронизировал я. – Все остались довольными: «Космогония» получила от Богачевой пятьдесят рублей за участие в семинаре, бабушку-провокаatora поставили на место, случайные девицы с фото пленки не пострадали. В чем мораль этой поучительной истории?

– В том, что ты не хочешь меня слушать. Ты все воспринимаешь в штыки. Если бы Богачева не пошла в «Космогонию», то подозревала бы своего мужа бог знает в чем...

Еще не договорив фразу, Лиза поняла, что сама себе противоречит. Она замолчала на полуслове, вопросительно посмотрела на меня.

– Ты просто прелесть, любовь моя! – Я чмокнул жену в щеку. – Ты сама обо всем догадалась. Твоей знакомой в «Космогонии» дали обычный житейский совет: не ищи проблем там, где их нет. Мало ли каких чувих мог обнимать ее муж! Фотография фривольного содержания – это еще не повод для обвинений в супружеской неверности.

Я сложил все изученные материалы в кожаную папку, убрал ее в шкаф.

– Даю гарантию, что теперь Богачева начнет захаживать в «Космогонию» по каждому поводу. Прыщ на лбу вскочил – не происки ли это негативной космической энергии? Что

вселенский разум может порекомендовать для борьбы с прыщами? Все, Лиза, к черту эту «Космогонию»! У нас на кухне ничего поесть не осталось? Что-то у меня на ночь глядя аппетит разыгрался.

– Пойдем, покормлю тебя.

Я мог бы еще кое-что рассказать Лизе о «Космогонии», но не стал. В нашей жизни и так достаточно грязи и пошлости, так зачем жену лишний раз посвящать в истории, которые напрямую моей семье не касаются? Узнает сама – это ее дело, а я темную сторону жизни семьи Клементьевых на всеобщее обозрение вытаскивать не буду.

Трагедия семьи Клементьевых стала известна мне со слов Саши Клементьева. Он рассказал, что еще зимой его мать стала «просветленной», кандидаткой на переход в третий уровень. По-житейски ее можно было понять – невзгоды сыпались на Елену Викторовну неослабевающим потоком. Вначале запил муж, за пьянство на рабочем месте лишился должности начальника районного отдела милиции. Потом дочь Клементьевых подседа на наркотики, бросила институт, стала воровать вещи из дома, сутками пропадала неизвестно где. И отец, и дочь лечились в наркологической клинике, но толку было мало.

Для интереса Елена Клементьева посетила несколько семинаров в «Космогонии» и так увлеклась идеями космического разума, что семейные дела перестали ее интересовать.

– Все выходные в «Космогонии» проводит, – рассказывал

мне Саша Клементьев. – Как вернется – смотрит в окно, что-то про себя шепчет. Я тут подрался в школе с одним чуваком, мать на педсовет вызвали. Она выслушала педагогов и говорит: «На поведение моего сына оказывает влияние космический разум». Пока директриса с учителями соображали, шутит она или нет, маманя задвинула им лекцию о влиянии высших сил на деятельность человека, так они в осадок и выпали. Классная после этого случая до сих пор на меня с подозрением смотрит. Все прикидывает, одна мамуля у нас рехнулась или все в семье связь с космическим разумом ищут.

Где-то в середине мая Саша пришел ко мне расстроенный и злой.

– Не знаю, как до отъезда в Омск время протянуть, – сказал он. – Мне надо к выпускным экзаменам готовиться, а у нас в доме скандал за скандалом, да тут еще эта «Космогония»! Пришел я позавчера вечером домой, дверь своим ключом открыл, стою в прихожей, слушаю – родители ругаются. Отец, как всегда, выпивший, мать – вся на нервах. Отец говорит: «Ваш гуру еще тебя к себе в постель не уложил?» Мать отвечает: «Позовет, соглашусь с великой радостью». Я потихоньку закрыл за собой дверь и пошел к знакомому пацану переночевать. На другой день вернулся домой, так они моего отсутствия даже не заметили: мать с космосом общалась, отец водку пил.

Летом, с помощью моих связей, Александр Клементьев

поступил в Омскую высшую школу милиции. Учеба ему нравилась, жизнь в казарменных условиях не угнетала. В письмах ко мне Саша ни про родителей, ни про «Космогонию» не спрашивал.

6

В ночь с воскресенья на понедельник я плохо спал, дважды просыпался, ходил на кухню покурить, попить воды. Под утро мне снился тревожный сон: я искал важный документ и никак не мог найти его. Звонок будильника вернул меня в реальность. Пора вставать.

– Лиза, – толкнул я жену, – пора.

Супруга молча встала, накинула на ночную рубашку халат и пошла на кухню готовить завтрак, а я вновь провалился в короткий чуткий сон.

Мое утро всегда было расписано поминутно: в 7.00 – подъем, гигиенические процедуры, приготовление завтрака, в 7.45 я выходил из дома на остановку и к 8.15 был в управлении. Много раз я пытался изменить утреннее расписание и ввести в него легкую зарядку. Я даже написал список гимнастических упражнений, которые буду выполнять сразу же после пробуждения, но всякий раз находились причины перенести зарядку на следующий понедельник, а то и на начало другого месяца.

С приходом Лизы мой утренний распорядок изменился в лучшую сторону. Теперь она готовила завтрак, а я получал десятиминутный довесок ко сну.

– Андрей, вставай! – вернулась с кухни жена.

– Минуту полежу и встану, – пробурчал я.

– Андрей, ты что как ребенок маленький, какая еще минута, на работу опоздаешь!

Я вскочил с кровати, чмокнул супругу в щеку и пошел на кухню выкурить первую за день сигарету. Чашка горячего кофе уже ждала меня на столе. Я сделал глоток, закурил, подошел к окну, распахнул занавески.

Погода на улице стояла чудесная. В выходные наконец-то наступило запоздалое бабье лето: мелкие нудные дожди прекратились, порывистые холодные ветры стихли, в безоблачном небе от восхода и до заката сверкало нежаркое осеннее солнце. Комфортная погода – живи и радуйся каждому дню.

«Интересно, – подумал я, – курить натошак и курить, прихлебывая кофе, – это одно и то же или нет? Курить натошак – вредно, а курить...»

Движение за окном прервало ход моих мыслей. В разрыв между двумя домами я увидел, как по улице в направлении остановки общественного транспорта проехал автомобиль «УАЗ» с мигалкой, за ним – несколько военных грузовиков с тентами. Замыкал колонну штабной «ГАЗ-66» с телескопической антенной.

«Погнали куда-то вояк с утра пораньше», – подумал я и пошел умываться.

Намыливая руки, я подумал:

«Когда жил один, то вскакивал по звонку будильника, как ужаленный. Теперь главная задача утром – разбудить жену, а там можно еще поспать. Эти дарованные Лизой десять ми-

нут – самый сладкий сон за ночь. Это как десерт, как вишенка на торте».

Выйдя из ванны, я замер, где стоял, – на улице завывала сирена воздушной тревоги. Звук ее был таким громким, что казалось, она воет где-то прямо под окном.

– Лиза, посмотри, сколько времени! – крикнул я и бросился к окну.

Во дворе, у детской площадки, стоял армейский грузовик. Из него выпрыгивали солдаты в защитных гимнастерках. У открытого заднего борта автомобиля стоял офицер в фуражке с малиновым околышем. Он что-то кричал солдатам, но из-за завываний сирены было не разобрать.

– Половина восьмого, – Лиза подошла ко мне, посмотрела в окно. – Андрей, что происходит?

– Понятия не имею, – честно признался я. – До сего дня я даже не знал, что у нас тут где-то сирена установлена. Я первый раз ее слышу.

Во двор въехал еще один военный грузовик. Из него выпрыгнули восемь солдат с автоматами, и грузовик уехал. Автоматчики подошли к офицеру в центре двора. Судя по жестам, он приказал им оставаться возле него. Куда разбежались остальные бойцы, я не заметил.

– Андрей, ешь, а то все остынет, – сказала Лиза.

– Подожди, любимая, тут такие события разворачиваются, что пока не до еды.

С улицы во двор заехал военный «уазик». На его крыше

были установлены мигалки и два громкоговорителя.

– Внимание, граждане! – через мегафоны обратился к нам мужской металлический голос. – В городе проводятся учения по гражданской обороне. По сценарию учений ваш район оказался в зоне химического заражения. До окончания учений всем категорически запрещено выходить на улицу, открывать форточки и окна. Нарушившие приказ руководителя учений будут подвергнуты мерам административного и уголовного наказания...

Я присмотрелся к солдатам на улице. Петлицы на их гимнастерках были малинового цвета. Внутренние войска. Если учения проводятся по линии гражданской обороны, то при чем тут солдаты внутренних войск с автоматами?

У одного из военных во дворе заработала переносная радиостанция. Офицер забрал у радиста наушники, выслушал указания и направил двух автоматчиков к моему дому.

– Внимание, граждане! – Не прекращая вещать в мегафоны, «уазик» покинул наш двор и поехал к соседним домам. – Учения по гражданской обороне...

– Какие учения! – воскликнул я. – Если бы это были учения, я бы о них наверняка знал.

Офицер снова выслушал радиостанцию и послал двух автоматчиков к дому напротив.

– Лиза, я – на работу, – не отрываясь от окна, сказал я.

– Завтракать не будешь? – обеспокоенно спросила жена.

– Разбей три яйца, до обеда хватит.

Я быстро оделся, вернулся на кухню. Лиза протянула мне стакан с сырыми яйцами.

– Как ты можешь их пить, не представляю, – поморщилась она.

– Научился, – я одним глотком проглотил яйца, вытер полотенцем губы. – Одна из заповедей здорового образа жизни гласит: «Никогда не выходи из дома, не позавтракав, иначе к сорока годам лишишься желудка».

– А курить до завтрака полезно? – с улыбкой спросила жена.

Я не стал отвечать на провокационный вопрос. Утро – не время для диспутов.

– Лиза, ты сегодня во вторую смену? Без надобности раньше времени из дома не выходи.

– Андрей, что случилось, ты можешь объяснить? – благодушная интонация в голосе супруги сменилась тревожными нотками.

– Не знаю, Лиза, не знаю! Одно могу сказать точно: если в городе происходит что-то непонятное, то мне надо быть на работе.

У выхода из подъезда меня остановили два солдата азиатской внешности. У одного из них в руках была резиновая дубинка ПР-73. Нам выдавали такие дубинки на учениях по пресечению массовых беспорядков.

– Зайди в подъезд, – приказал мне солдат, не то узбек, не то казах по национальности.

– Я – офицер милиции. Вот мое служебное удостоверение. – Я протянул ему раскрытую книжицу с моей фотографией в форме капитана милиции.

– В подъезд зайди! – грубо сказал другой солдат. – Тебе чего-то непонятно?

– Кто у вас старший? – официальным тоном спросил я. – Позови офицера!

– Сейчас, блин, позову! – Солдат замахнулся дубинкой, и если бы я не отпрыгнул в подъезд, то он так бы вдарил мне по лбу, что я до вечера бы не очухался.

– Сиди, пока учения не закончатся! – сквозь захлопнувшуюся дверь крикнул мне первый солдат.

– Что за тупые люди? – Один из вояк со всей силы врезал сапогом по двери. – Сказано, сиди дома, нет, поперся куда-то, шайтан ему под ребра!

Забежав на площадку первого этажа, я остановился, с досады и злости сплюнул на ступеньки и пошел домой.

«Это же надо, – подумал я, – меня, капитана милиции, как какого-то бродягу, хотели дубинкой огреть! Что, черт возьми, происходит, учения это или военный переворот? В каждой газете о военном перевороте пишут, неужели свершилось?»

Я вернулся в квартиру, сел на кухне, закурил.

– Андрей, они не выпустили даже тебя? – растерянно спросила Лиза. – Андрюша, это ужасно. Это не учения...

– Успокойся. – Я обнял жену, прижался губами к ее ще-

ке. – Скоро все разъяснится. Солдаты выполняют свой долг. У них разговор короткий: «Закрой дверь, у нас приказ никого не выпускать».

Тут меня осенило, что надо срочно связаться с дежурной частью УВД и узнать, что же на самом деле происходит.

– Лиза, я сейчас, я быстро!

Я обулся, вышел в подъезд, поднялся на четвертый этаж. «Даже если операторы дежурной части находятся под контролем военных, то они обязаны будут ответить на звонок. Если они работают под дулами автоматов, то по голосу я пойму, что случилось что-то очень и очень серьезное».

– Кто там? – ответил на мой стук в дверь старушечий голос.

– Нина Павловна, это я, Андрей Лаптев с третьего этажа. Нина Павловна, мне на работу срочно позвонить надо.

Щелкнув давно не смазанным врезным замком, старушка открыла дверь.

– Звони, коли надо.

Я поднял трубку телефона. Ни гудков, ни щелчков. Тишина.

«Ленинский план революции, – пронеслось в голове. – Почта, телефон, телеграф. Лихо работают, ничего не скажешь! Это не учения. На обычных учениях телефонную связь отключать не будут. Вдруг у кого сердце прихватит, а в «Скорую помощь» позвонить нельзя».

– Нина Павловна, у вас телефон не работает. Давно сло-

мался?

– Вчера вечером звонила. – Старушка взяла у меня трубку, прислушалась. – Андрей, ты не знаешь, как телефонного мастера вызвать?

– Приеду на работу, позвоню в мастерскую, вызову к вам специалиста.

Я спустился к себе. Лиза стояла у окна, наблюдая за маневрами на улице.

– Там ваша машина приехала, – сказала она.

«Нашей» машиной оказался автомобиль отдела охраны Кировского РОВД. Он остановился в дальнем углу двора, постоял с минуту и умчался в неизвестном направлении.

Через полчаса за окном взвыла и смолкла сирена. Металлический голос из громкоговорителей проезжавшего по двору военного автомобиля сообщил:

– Граждане! Учения закончены. Можете выходить из домов и открывать окна.

– Вот и все, – сказал я. – Это были просто учения. Как придешь на работу, позвони мне. Просто так позвони, чтобы я знал, что у тебя все в порядке.

Выйдя во двор, я увидел, как солдаты проворно забираются в кузов грузовика. Только сейчас я заметил, что у каждого из них через плечо была перекинута сумка с противогазом.

«Если бы это на самом деле были учения по гражданской обороне, то солдаты должны были быть в противогазах. С другой стороны, какие, к черту, противогазы! Как бы они

в противогазах людей по подъездам загоняли? Мычали бы сквозь резину?»

Рассмеявшись от собственных мыслей, я бодро зашагал вперед. Подходить к офицеру и жаловаться на хамство его солдат я не стал. Бесплезное дело. Для офицера внутренних войск его солдаты как дети родные, а я – гражданский чужак. Он даже слушать меня не станет. Отмахнется, как от назойливой мухи: «Напишите жалобу на имя руководителя учений». Вот и весь сказ! Коротко и по-военному точно.

У автобусной остановки, посредине проезжей части, стоял армейский грузовик с затянутым тентом кузовом. Солдаты, весело переговариваясь между собой, толпились у заднего борта, курили, сплевывали на асфальт. Водитель грузовика возился под капотом. В кабине сидел ко всему безучастный офицер.

«Вот так учения! – подумал я. – Даже технику как следует не приготовили».

Объезжая по встречной полосе столпившийся за грузовиком транспорт, к месту поломки армейского грузовика подъехала сверкающая полированными боками «Тойота». С пассажирского места вылезла пожилая нерусская женщина в черной, монашеского покроя, одежде. Она что-то крикнула солдатам на неизвестном языке, стала жестами показывать, чтобы они ушли с проезжей части и дали возможность обогнуть грузовик. Солдаты дружно и весело закричали ей в ответ: «По тротуару объезжай!» Разозленная женщина верну-

лась в «Тойоту», опустила со своей стороны стекло. Ее автомобиль аккуратно протиснулся между бордюром и сломанным грузовиком. Поравнявшись с солдатами, в открытое окно женщина что-то крикнула и показала воякам интернациональный неприличный жест. Пока опешившие солдаты приходили в себя, водитель иномарки дал по газам и умчался вдоль по улице.

– Шайтан! Джальяп, джальяп! – завопили солдаты. – Тебе за такие слова в Душанбе язык отрежут!

Пока офицер не вылез из кабины и не приструнил солдат, они, потрясая кулаками вслед уехавшей пожилой незнакомке, метались по проезжей части и выкрикивали ругательства на разных языках и наречиях народов Советского Союза.

«Крепко она их приложила, – подумал я. – Интересно, кто они все по национальности? «Джальяп» по-узбекски значит «проститутка», «падшая женщина», а слово «шайтан» перевода не требует».

Я снова засмеялся. Мне стало весело. Я знаю по-узбекски несколько разрозненных слов и два вопросительных выражения, а тут такая пикантная неожиданность! В моем родном городе услышать «джальяп»! Все на остановке в недоумении, что за «джальяп» такой, а я-то знаю, о чем речь.

Подойдя к толпе пассажиров, ожидающих автобус, я встал с краю, прислушался, как мужики обсуждают инцидент на дороге:

– Пускай спасибо своему богу скажут! Астара, если бы за-

хотела, всех бы их заколдовала.

– Это точно! Навела бы на них порчу и превратила в импотентов. Один мужик, говорят, оскорбил ее, и все – гидравлика не работает, напору в шланге нет. Даже за большие деньги врачи ничем ему помочь не смогли.

– Машинка у Астары новенькая. Видать, недавно из-за бугра пригнали.

– О, наконец-то! Починились. «Наша армия крепка, охраняет мир она». Защитнички! Утром один ухарь хотел мне в глаза слезоточивым газом брызнуть, да я вовремя в подъезд заскочил.

– Да ты что! Настоящим слезоточивым газом?

– Самым что ни на есть настоящим! «Черемуха» называется. Видел у солдат белые баллончики с красным колпачком? Вот это «Черемуха» и есть.

Припадая к асфальту днищем, к остановке подъехал переполненный автобус. Я кое-как втиснулся в него и поехал в управление.

В понедельник, 24 сентября, в городском УВД царила необычная обстановка: никто не занимался текущей работой, раскрытие и расследование преступлений оставили на потом – весь личный состав управления обсуждал прошедшие учения по гражданской обороне.

Даже я в этот день поддался всеобщему настроению. Когда ко мне с докладом о проделанной работе пришли подчиненные, я отмахнулся от них:

– Мужики, давайте оставим насильника на завтра. Сегодня надо разобраться: что же такое утром произошло? Я лично до конца так и не понял: учения это были или репетиция военного переворота.

– Логично! – согласились со мной опера. – Насильник от нас никуда не денется, а вот если в стране власть поменяется, то тут никакой экстрасенс прогноз на будущее не предскажет.

– Что день грядущий принесет: тюрьму или карьерный взлет? – продекламировал стихи собственного сочинения оперуполномоченный Зиннер.

– Ха! – воскликнул я. – Я-то думаю, кого мне вторым номером на усиление следственно-оперативной группы выставить, а доброволец вот он, по собственной инициативе нашелся.

Зиннер недоуменно уставился на меня. Остальные опера одобрительно закивали головами – заступать на незапланированное суточное дежурство никому не хотелось.

– Владимир Сергеевич, не смотри на меня так осуждающе. Ты сам сделал выбор. Поэтов всегда грудью на амбразуру бросают. Отдежуришь сегодня, ничего с тобой не случится.

– Стихотворение новое напишешь! – подбодрил пригорюнившегося товарища Далайханов. – Что-нибудь о нелегких милицейских буднях. Например: «Дежурил я, как воз тащил, а мой начальник...»

– Чего-чего? – приподнялся я из-за стола.

– Прошу прощения, – Далайханов прижал ладонь к груди, сделал легкий полупоклон, – у меня с детства с русскими рифмами полный провал. Я в школе по литературе был самым отстающим учеником. Какой с меня спрос, если у меня мать – немка, а отец – казах?

– Все свободны! – подвел я черту под утренним оперативным совещанием.

Не только в моем отделе прошедшие учения сломали привычный ритм работы. В других подразделениях городской милиции царило то же самое. Весь день сотрудники нашего УВД бесцельно слонялись по кабинетам, пили чай, курили, травили анекдоты. Кто-то, сославшись на оперативные нужды, рванул к родственникам на другой конец города – узнать: а как у них было?

К концу рабочего дня обстановка более-менее проясни-

лась. Через областной военкомат, через военно-мобилизационный отдел обкома партии, через друзей и знакомых нам удалось выяснить хронологию учений.

«Начались» они еще в прошлом году, с очередного заявления Горбачева об одностороннем сокращении личного состава и боевых частей сухопутных сил. Каким-то образом в перечень расформируемых подразделений попал дислоцирующийся под Новосибирском мотострелковый полк. Зачем надо было расформировывать воинское подразделение, находящееся в центре страны, а не на границе соприкосновения советских войск с силами НАТО, никто в Генеральном штабе не понял, но приказ о расформировании мотострелкового полка подготовили.

Как известно, наши генералы презирают Горбачева и всячески саботируют его указания. Чтобы не лишиться боевой единицы в угоду американским «друзьям», расформированный мотострелковый полк передали из ведения Министерства обороны в МВД СССР. Избыточную для внутренних войск боевую технику полка перегнали в другие мотострелковые части, солдаты и офицеры надели новые знаки различия, и полк зажил своей прежней жизнью. Для солдат-срочников в прохождении службы не изменилось вообще ничего, кроме цвета погон и записи в военном билете.

В начале сентября 1990 года вновь созданный полк перебросили в нашу область на сельскохозяйственные работы. Временным местом дислокации полка стал полевой лагерь

недалеко от нашего областного центра.

Отъехав от уютных теплых казарм на двести сорок километров, солдаты приступили к уборке картофеля на бескрайних землях совхоза «Тыхтинский». Каждый день, с восхода и до заката солнца, они проводили в поле, а с наступлением темноты искали развлечений. От жизни вдали от цивилизации дисциплина в полку падала: участились драки на национальной и бытовой почве, стало процветать воровство продуктов и личных вещей. Старослужащие повадились ходить в самоволку в близлежащие деревни. Кто-то из них пытался ухаживать за местными девушками, кто-то воровал кур и продукты у селян, кто-то обменивал тушенку и сапоги на самогонку.

Через две недели жизни в поле до офицеров стали доходить тревожные сведения – среди солдат пошли недовольные разговоры: «Для кого мы эту картошку копаем? Зачем мы на кого-то целыми днями горбатимся? Кто эту картошку ест, тот пускай ее сам и собирает».

Дождавшись пика недовольства, командир полка отдал приказ: сельскохозяйственные работы прекратить и приступить к боевой подготовке. До самого начала учений солдаты тренировались владеть дубинками и пластиковыми щитами, изучали правила применения спецсредств: слезоточивого газа, наручников и ловчих сетей.

В два часа ночи, 23 сентября, полк внутренних войск был поднят по тревоге. Солдатам раздали противогазы, резино-

вые дубинки и спецсредства. Военнослужащих разведывательной роты и подразделений управления вооружили автоматами.

– Бойцы! – обратился к личному составу командир полка. – Если мы выполним поставленную перед нами задачу на «отлично», то завтра же начнем собираться домой. Если провалим учения, то останемся в полевом лагере еще на месяц. Есть желающие собирать картошку?

– Нет! – дружно рявкнули в ответ сотни глоток.

На рассвете тремя автомобильными колоннами полк двинулся к городу, оцепил по периметру Кировский район и в час «икс» блокировал его.

– Почему для проведения учений по гражданской обороне выбрали именно наш город? – попытались узнать мы, но ответа не получили.

Не было ответов и на многие другие вопросы. Почему учения проводились именно в том районе города, где нет ни химических предприятий, ни железнодорожной станции? Почему не действовала телефонная связь? Кто дал солдатам право применять спецсредства по своему усмотрению? Это мне повезло – я успел заскочить в подъезд, а кому-то из непонятливых горожан досталось дубинками по ребрам.

Учения по гражданской обороне повлекли за собой множество приметных и не очень событий, но самое неожиданное продолжение их было связано с Астарой, которая оскорбила солдат на моих глазах.

– Какая-то шлюха не может так разговаривать с мужчинами! – решили бойцы, родившиеся под жарким солнцем среднеазиатских республик. – Эта потаскуха должна быть наказана! Джалап! Шайтан! Она запомнит сегодняшний день до конца своей жизни.

Сказано – сделано! Трое самых обозленных вояк незаметно отбились от колонны и стали искать Астару. Через земляков, торговавших на городском рынке, они нашли дом, где Астара принимала посетителей.

Погожим осенним вечерком обозленные до предела мстители пришли к частному дому, где находилась Астара. Солдаты после встречи с земляками были пьяны. Двое из них были вооружены резиновыми палками, один держал в руках бутылку с бензином.

Редкие прохожие при виде этого распоясавшегося «воинства» поспешили уступить дорогу и скрыться во дворах. Посетители, дожидавшиеся приема у Астары, спрятались в соседней усадьбе.

– Джалап, выходи, поговорим! – Один из солдат швырнул в окно дома камень. Зазвенело выбитое стекло. – Выходи, старая мразь, или дотла сожжем твой колдовской притон!

Астара явилась перед солдатами в просторном черном одеянии верховной жрицы ассирийской богини Иштар. На предплечьях ее золотыми нитями были вышиты крылатые ассирийские львы: правый – с квадратной курчавой бородой, левый – с небольшим рогом между ушей. На лбу Астары бы-

ла повязана широкая лента с восьмиконечными звездами богини Иштар и магическими заклинаниями на ассирийском языке. На шее жрицы висели бусы из ярко-красного камня и медальон в виде ящерицы с бирюзовыми глазами. В правой руке Астара держала магический кристалл величиной с некрупное яблоко.

Выйдя на крыльцо, она вскинула руки и прокричала в небеса призыв на неизвестном языке. В ответ ей по небу прокатился раскат далекого грома, сменившийся треском, словно кто-то разорвал гигантский лоскут материи над головами.

– Смотрите сюда! – властно приказала зловещая жрица.

Солдаты, как заколдованные, уставились на кристалл, который в руках Астары засветился внутренним голубоватым сиянием, зашевелился, как живой, и стал испускать во все стороны тонкие, едва видимые лучи света.

– Именем богини Иштар, великой и всемогущей, преклоните колени перед силой и волей ее! – торжественно провозгласила Астара.

Солдаты одновременно рухнули на колени, молитвенно сложили перед собой руки.

Следом за Астарой на крыльцо вышла ее сестра.

– Астара, – взмолилась она, – пожалей их. Это же еще мальчишки, они не ведают, что творят!

– У меня нет сердца, – оборвала ее жрица, – и я не могу никого жалеть.

– Пощади их, Астара!

– Я не богиня Иштар и не способна пощадить смертного. Я всего лишь верная служанка царицы моей и обязана исполнить волю ее.

Тут солдаты поняли, что если не случится чуда, то живыми они отсюда не уйдут.

– Ты принес с собой бензин? – строго спросила Астара солдата с бутылкой. – Пей его!

Несостоявшийся погромщик сделал несколько осторожных глотков, перевел дух, понюхал бутылку, и его вырвало бензином. Передернувшись от желудочных судорог, он умоляюще посмотрел на жрицу, но та была непреклонна.

– Пей весь бензин до конца!

Отрывая через глоток, передергиваясь в судорогах, солдат допил бутылку и, полуживой, стал ждать дальнейших приказаний.

– Вы, двое, ешьте землю! – приказала Астара.

Солдаты на коленях подползли к клумбе и стали горстями запихивать землю в рот. Насладившись зрелищем унижения врагов, жестокая жрица скомандовала:

– Встать! Убирайтесь отсюда, но помните: если к исходу дня вы не попадете в расположение своей части, вас ждет долгая и мучительная смерть!

Солдатам не надо было повторять дважды. Со всех ног они бросились в свой полевой лагерь. Не останавливаясь ни на минуту, добежали до него и рухнули без чувств у командирской палатки. Солдат, пивший бензин, двадцати-

километровый кросс не преодолел. На окраине города он упал и больше не поднялся. Вскрывавшие его тело судебно-медицинские эксперты поставили посмертный диагноз: общая интоксикация организма, острая почечная и печеночная недостаточность, диссоциативный шок.

По поводу смерти военнослужащего командование полка провело служебную проверку и установило: военнослужащий срочной службы самовольно покинул расположение части. Находясь в самовольной отлучке, он по собственной инициативе напился бензина и умер от отравления им. К Астаре военные дознаватели не выезжали. Командир полка строго-настрого запретил упоминать даже ее имя.

– Что вы напишете об Астаре в своем заключении? – спросил дознавателей полковник. – Что какая-то старуха заставила солдата выпить бутылку бензина? А что она еще могла его заставить сделать: поджечь склад с боеприпасами или зарезать часового у знамени? Я запрещаю вам упоминать о магии! Солдат хотел выпить бензин и выпил его, находясь в самовольной отлучке. Остальное нас не касается.

Двух других солдат за самовольное оставление части в боевой обстановке судил военный трибунал. Их приговорили к трем годам лишения свободы каждого. Через год среднеазиатские республики стали суверенными государствами. Осужденных военнослужащих досрочно освободили из мест лишения свободы, и они вернулись домой.

8

Во вторник, на время болезни Малышева, я занял его кабинет. Секретарь начальника городского уголовного розыска стала моим секретарем.

– Андрей Николаевич, ваш чай. – Секретарша подошла к столу, поставила передо мной чашку чая на блюдечке.

– Спасибо, Лидия Анатольевна, – поблагодарил я.

После ее ухода я попробовал чай.

«Хорошо живет Николай Алексеевич! – подумал я. – Не успел войти в кабинет – ему уже чай несут. Сладкий, крепкий. Даже сахар не надо в чашке размешивать, все за него секретарша делает».

Вернув пустую чашку в приемную, я прошелся по своему новому кабинету, закурил, посмотрел на портрет Дзержинского на стене. Выражение лица Железного Феликса мне не понравилось.

– Что так скептически сморщился, дядя? – спросил я портрет. – Считаешь, не дорос я еще до этого кабинета? Годами не вышел или живот не успел отрастить? Ничего, привыкнешь. А не привыкнешь, я тебя за шкаф поставлю, будешь там ухмыляться.

Вернувшись за стол, я отодвинул в сторону сводки о состоянии преступности за сутки и вызвал к себе Ключникова и Далайханова.

«Все, к черту учения! – решил я. – Солдаты на улицах города – явление временное. Пройдет срок, и они разъедутся по домам, а насильник – он наш, он никуда не денется, он на дембель не пойдет».

– Что по моему поручению? – спросил я коллег.

Докладывать взялся Ключников.

– Мы изучили все отказные материалы и нашли три случая, заслуживающих внимания. Первый произошел в марте прошлого года с гражданкой Тельновой Инной. В тот день она находилась у себя дома. Около двенадцати часов в дверь раздался звонок. Не спрашивая «Кто там?», Тельнова открыла и увидела перед собой мужчину в натянутом на голову капроновом чулке. Угрожая потерпевшей ножом, мужчина уложил ее на пол и имитировал половой акт.

– Чего-чего сделал? – переспросил я.

– Оперуполномоченный, вынесший постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, описал действия насильника как «имитацию полового акта». Я думаю, в данной ситуации это очень точное определение.

– Александр Лукич, меня всегда восхищает ваша невозмутимость. Вы докладываете мне совершенно невероятные вещи таким тоном, словно описываете заурядную квартирную кражу. Какая, к черту, имитация полового акта? Человек с ножом вторгается в жилище, удовлетворяет свои низменные инстинкты, и это называется имитация?

– С объективной стороны преступления – действия на-

сильника действительно только имитация полового акта, – поддержал Ключникова Айдар.

– Коллеги, вы за деревьями не видите леса! – возмутился я. – Нашему насильнику для удовлетворения его сексуальных потребностей не нужен полноценный половой акт. При анализе материалов давайте исходить с его точки зрения, а не с нашей. Нападая на гражданку Тельнову, он хотел получить половое удовлетворение – и получил его. Для осуществления своего замысла он прибег к угрозам оружием. Все это серьезно и очень серьезно. Не надо смотреть на последствия, давайте оценивать действия насильника в комплексе, в целом. Что у нас еще по этому нападению?

– В момент вторжения насильника в квартиру в ней также находился грудной ребенок в кроватке. К ребенку насильник не подходил, – уточнил Ключников.

– Айдар, потерпевшую – ко мне, – распорядился я. – Что у нас дальше?

– Нападение на гражданку Гульметову. Потерпевшей тридцать три года, замужем, работает учетчицей на заводе. Нападение произошло в апреле прошлого года в лифте девятиэтажного дома. Потерпевшая и незнакомый мужчина вместе вошли в лифт. Как только он тронулся, мужчина подставил к горлу Гульметовой нож и велел встать лицом к стене. Пока они ехали вверх, насильник терся о ягодицы потерпевшей... Андрей Николаевич, давайте определимся, как мы его действия называть будем: имитация полового акта или

извращенный половой акт?

– Александр Лукич, мы не на докладе у генерального прокурора. Для характеристики его действий давайте остановимся на слове «терся». Коротко и понятно. Все согласны?

Коллеги кивнули, и Ключников продолжил:

– Дальше события в лифте разворачиваются следующим образом. Насильник левой рукой охватывает потерпевшую за горло, прижимается к ней всем телом, а правой рукой, в той, что нож, он нажимает кнопку «стоп», останавливает лифт и перенаправляет его на девятый этаж. На девятом этаже двери лифта открываются, и в него пытается войти восемнадцатилетний парень по фамилии Главчиков. Насильник не дает ему и шагу сделать. Он отбрасывает на пол нож и с размаху бьет Главчикова кулаком в солнечное сплетение. Следом, не останавливаясь ни на секунду, выбрасывает из лифта потерпевшую и уезжает вниз. Больше его ни Гульметова, ни Главчиков не видели.

– Где сейчас этот парень?

– В армии, где же ему еще быть?

– Гульметову ко мне, в военную прокуратуру по месту службы Главчикова отправить отдельное поручение. Меня интересуют все события в мельчайших подробностях: кто как стоял, как выглядел насильник, как он нанес удар.

– Третий случай выявил оперуполномоченный Симонов, – доложил Айдар.

– Зачем ты так подчеркиваешь, что именно Симонов вы-

явил третий случай?

– Андрей Николаевич, ты Симонова в ежовых рукавицах держишь, вот он и решил блеснуть оперативным умением. Третий случай получен по агентурным каналам. Он произошел в том же апреле прошлого года.

– Отличная история! Нападение происходит полтора года назад, а Симонов только сейчас сподобился о нем доложить. И кто он после этого, не разгильдяй, что ли?

– Да ты выслушай, как дело было! – попросил Далайханов. – Симонов инициативу проявил, и правильно сделал. Он вспомнил прошлогоднее сообщение от своего агента и решил, что оно вписывается в общую схему. Слушай, как было дело. Некая гражданка по имени Света возвращается поздним вечером домой по улице Арочная. Вспомни эту улочку: там с одной стороны дома, с другой – что-то напоминающее небольшой сквер. Освещение есть только со стороны домов. Там, где начинаются деревья, – темнота. Девушка идет по тротуару вдоль домов. За ней по пятам следует мужчина. Вокруг – ни души, ни одного человека, ни одной машины мимо не проезжает. У поворота во дворы девушка разворачивается и идет навстречу мужчине. Тот останавливается в темном месте. Девушка подходит к нему и говорит: «Мужик, ты что, преследуешь меня? У меня в этом доме брат живет. Я сейчас закричу, он выбежит и из тебя отбивную котлету сделает». Мужчина засмеялся ей в лицо и говорит: «Иди, куда шла», а сам развернулся и пошел в дру-

гую сторону. Это он был, наш насильник. Света, когда описывала агенту встречу, сказала, что от мужика пахло мятной жвачкой.

– Свету установили? – спросил я.

– Да нет, конечно! Агент о ней, кроме имени, больше ничего не знает. Случайная знакомая. Встретились, поболтали, разошлись.

– Свету установить! – распорядился я. – Она видела насильника и является для нас ценным свидетелем.

Я закурил, посмотрел, как коллеги записывают в ежедневники мои указания.

«Хорошо быть большим начальником, – в который раз подумал я. – Не успел рот открыть, как все уже зашуршали, забегали, засуетились. Меня от мальшевского кресла отделяет всего одна ступень, а какая разница! Я частенько сам по городу бегаю, а Николай Алексеевич только указания дает... Зато я поджарый, как гончая, а у него пузо отросло!»

Храбрую девушку по имени Света установили через два дня. Ею оказалась дочь Геннадия Александровича Клементьева. Войдя в мой новый кабинет, Света осмотрелась, робко присела за приставной столик. Выглядела она неважно: темные круги под глазами, болезненная худоба. Осветленная пергидролем прическа требовала подновления. Некогда модный плащ нуждался в чистке.

– Давно не виделись, – вместо приветствия сказал я. – Как дела?

– Да ничего, нормально. Ты теперь тут сидишь?

– Временно. Начальник заболел, вот я его и замещаю.

– Папеньке уже не доверяют уголовным розыском рулить? – невесело улыбнувшись, спросила она. – Сам виноват. В бутылку пореже заглядывать будет.

– А как у тебя с этим делом? – я, изображая иглу, ткнул пальцем себе в руку.

– Пролечилась в том месяце, пока не тянет, – неохотно ответила Светлана.

Я обошел вокруг стола, велел ей посмотреть мне в глаза.

– Зрачки вроде бы нормальные. Тест проходить будем?

– Да я уже давно не колюсь! – Светлана отвернулась от меня, склонила голову к столу и стала рассматривать свои накрашенные ярким лаком ногти. – Ты зачем велел меня привезти, не про наркотики же спрашивать?

– Тест будешь проходить или мне тебе на слово поверить?

– Давай, – она протянула руку в мою сторону.

– Ладно, на слово верю.

– Да чего там «на слово», – оторвалась она от стола, – давай пройду! Мне самой интересно стало.

Я нашел на столе Малышева тридцатисантиметровую линейку, стал напротив Клементьевой.

– Готова? Согласно методике проведения теста повторяю тебе его условия. Без предупреждения я опускаю линейку. Психически и физически здоровый человек должен поймать ее на уровне 15–16 сантиметров. Человек, находящийся в

состоянии наркотического опьянения, линейку не поймает.

Она вытянула перед собой руку, отставила в стороны большой и указательный пальцы. Я поставил линейку нулевой отметкой на уровне ее пальцев. Без предупреждения уронил линейку вниз. Клементьева успела ухватить ее большим и указательным пальцами на отметке в шестнадцать сантиметров.

– Молодец! – похвалил я. – В прошлый раз ты вообще не могла ее поймать.

– В прошлый раз я была никакая, – согласилась Света.

– Держись! Опиум умеет ждать. Временами тебе будет казаться, что ты навсегда забыла про него, а он будет рядышком стоять, выжидать, не сорвешься ли ты.

– Здесь можно курить? – спросила Клементьева. – Рассказывай, зачем позвал?

– Света, вспомни, как в прошлом году по улице Арочной за тобой по пятам мужик шел. Тебе в тот день повезло. Этот человек – извращенец и насильник, и никто не знает, что от него можно ожидать. Последнюю жертву он слегка придушил, а как с тобой было?

Клементьева чиркнула спичкой, закурила. Помолчала, вспоминая прошлогодние события.

– Честно сказать? – спросила она. – Я обдолбанная была, вот и не чувствовала страха.

– Долго он за тобой шел?

– Не скажу точно, но, по-моему, до центра города мы в од-

ном автобусе ехали. Я его взгляд чувствовала или уже потом, задним умом, стала себя убеждать, что он еще в транспорте стал ко мне приглядываться. Как-то так было, я же все в мелочах не помню... Потом, потом... Потом мы вышли и пошли в сторону набережной. Я иду и чувствую, что мне опять кто-то в спину смотрит. Сбавлю ход, прислушаюсь – тишина. Обернулась – никого, а глюки мне ловить не с чего. В тот день мы кололись хорошим опиумом, он галлюцинаций не вызывает.

Светлана рассказывала мне про наркотики совершенно обычным размеренным тоном, словно речь шла не о запрещенных препаратах, а о безобидной кружке пива. «В тот день я ввела себе два кубика качественной отравы и была в норме, димедролом или другими «колесами» не злоупотребляла», – примерно так должен был звучать недосказанный ею подтекст.

– Возле поворота во дворы, – продолжила Клементьева, – мне эта игра в прятки надоела. Я развернулась и подошла к нему. Была бы не обколотая, в жизни бы не рискнула.

– Как он выглядел?

– Он в тени стоял, там же фонари не везде светят. Лицо я не рассмотрела. Вернее, не так. Видел мультик про Алису в Зазеркалье? «Чеширский кот ушел, а улыбка его осталась». У меня в памяти осталась только одна улыбка. Мягкая такая, добрая. Как у кота, который поймал мышку и играет с ней перед тем, как съесть. Если я еще раз увижу его улыбку, то

уверенно опознаю его.

– Новый шаг в криминалистике – опознание подозреваемого по улыбке. Так, Света, что ты еще запомнила?

– На ногах у него были кроссовки «Адидас» с замшевым верхом. У меня знакомый такие же кроссовки «проколол», вот я их и запомнила.

– За сколько продал? – для поддержания должного темпа беседы спросил я.

Клементьева поморщилась:

– Раза на три вдвоем кольнуться хватило. Поношенные кроссовки, кто за них много даст? Так, что еще тебе рассказать? От него, даже на расстоянии, пахло мятной жвачкой. Представь, мы стоим на расстоянии вытянутой руки, а я свежесть его дыхания ощущаю.

– Света, это у тебя от опиума обоняние обострилось.

– Опиум – не опиум, короче, он жвачку жевал. Улыбнулся так, одними губами, и говорит: «Вали, овца, куда шла! Я тебя с другой бабой перепутал».

– Какого он был роста?

– Андрей, не мучай меня! Что запомнила, то рассказала.

– Рост, Света, рост! Ты разговаривала с ним, ты должна была запомнить: выше он тебя или одного с тобой роста.

– Он немного выше, чем ты, – подумав, ответила Клементьева. – Больше ничего не помню.

Я задал Клементьевой еще несколько вопросов, но она больше действительно ничего не запомнила.

– Ты сейчас дома живешь? – спросил я напоследок.

– Дом – это у тебя, – повеселела Светлана, – а у нас – общежитие. Каждый обитает в своем углу. Отец или на работе, или выпивает, мать связь с космосом устанавливает, а я скачаю, целыми днями не знаю, чем заняться. Пришел бы к нам в гости, повеселил.

– Зайду, – пообещал я.

Светлана шутку оценила, засмеялась.

– Ну-ну, зайдешь! Как в юности, заигрывать со мной будешь. Я до сих пор помню, как ты меня на кухне по попе хлопнул.

– Я рад, что у тебя о нашей первой встрече остались самые приятные воспоминания.

– Андрей, – попросила Клементьева, – сделай так, чтобы я с отцом в коридоре не столкнулась.

Я вызвал Далайханова, и он вывел Светлану через запасной вход.

Не успела жизнь в управлении войти в нормальное русло, как произошло событие, заставившее меня забросить все текущие и даже срочные дела: у прокурора Весны украли кошелек. Да как украли! Не в транспорте вытащили и не в магазинной толкучке умыкнули. Прокурор Александр Васильевич Весна лишился кошелька в областной прокуратуре, в своем рабочем кабинете.

Узнав о невиданном происшествии, на место преступления выехал лично начальник городского УВД Большаков. С собой он прихватил всех оперов, кто попался ему в коридоре. Я с отборными оперативниками выдвинулся вторым эшелоном. По дороге мы обсуждали кражу.

– Весна сидит на четвертом этаже, – ввел я коллег в курс дела. – Следственное управление областной прокуратуры занимает второй этаж. После допроса у следователя свидетелей провожают до лестничной клетки, то есть случайный человек наверх не поднимется. На третьем и четвертом этажах прокуратуры все друг друга знают, любой посторонний человек тут же привлечет к себе внимание: «Кто такой, к кому пришел?» Мораль сей басни такова: кошелечек у Весны свистнул кто-то из своих, из прокуроров.

Мы подъехали к зданию областной прокуратуры и стали искать место для парковки. На обычно пустынной улице бы-

ло не протолкнуться от транспорта. Принять свое участие в раскрытии «кражи века» приехали представители областного УВД, КГБ, городской и районной прокуратуры.

– Что-то я не помню такого представительного шоу, – сказал наш водитель. – На убийство меньше народу собирается.

– То убийство, а то – кошелек! – съязвил Айдар.

– Помнится, – сказал я, – читал я по молодости книжку «Люди остаются людьми». Может быть, название у книги другое, но фраза о том, что человек всегда остается человеком, в ней точно была... Увидел кто-то кошелечек у Весны и решил... М-да, и на камнях растут деревья – и в прокуратуре водятся воры. Пошли работать, джентльмены!

Проведя первичный опрос, мы выяснили картину происшедшего.

В девять утра, как обычно, прокурор Весна открыл свой рабочий кабинет и стал знакомиться с обзором происшествий за истекшие сутки. По роду своей деятельности он занимался надзором за соблюдением законов в исправительно-трудовых учреждениях и тюрьмах. Одновременно с Весной на работу пришел его сосед по кабинету, прокурор Гарипов, надзиравший за следствием и дознанием областного КГБ. Около десяти часов к Весне заглянула секретарь прокуратуры и предложила скинуться на подарок прокурору Светлане Иванян, у которой в этот день был день рождения. Собрав с прокуроров деньги на праздничный букет, секретарша послала за цветами милиционера с поста охраны област-

ной прокуратуры.

Узнав об этом, я спросил у начальника поста охраны:

– За цветочками, значит, для прокуроров бегаете? А чем еще занимаетесь? Ботинки им на входе не чистите?

Начальник поста обиделся на меня и пообещал подать рапорт начальнику УВД.

– Ты зря бумагу не переводи, – посоветовал я. – Леонид Васильевич сейчас в здании. Будет выходить, ты ему устно пожалуйся. Он мужик справедливый: меня накажет, а тебе слезки платочком утрет.

Старший лейтенант милиции, возглавлявший охрану областной прокуратуры, с ненавистью посмотрел мне в глаза. Я выдержал его взгляд, издевательски усмехнулся и приказал:

– Пока я буду работать с прокурорами, будьте любезны, всем личным составом поста охраны напишите подробные рапорты, кто и чем занимался сегодня в первой половине дня. В рапортах не забудьте указать: кто и по какой причине поднимался на третий-четвертый этаж прокуратуры, кто в рабочее время отлучился с поста и бегал за цветочками для именинницы, кто разрешил в рабочее время выполнять поручения не своих непосредственных начальников, а неизвестно кого, какой-то секретарши. Если в этом месяце кто-то из вас по поручению дворника прокуратуры бегал ему за сигаретами, отметьте и этот факт. От лица руководства городского УВД я обещаю дать адекватную оценку вашей служебной деятельности.

Разобравшись с охраной, я вернулся к своим оперативникам.

– В одиннадцать часов, – доложил Айдар, – все прокуроры собрались на четвертом этаже, в кабинете начальника отдела. В торжественной обстановке они поздравили Иванян, распили пару бутылок шампанского. Спиртное употребили чисто символически. Основные мероприятия были запланированы на вечер.

– Весна после поздравлений тут же прошел к себе в кабинет или куда-то заходил? – поинтересовался я.

– Все мероприятие носило формальный характер и проходило очень быстро. Без пяти одиннадцать секретарша прошлась по кабинетам, пять минут – поздравление и вручение цветов, еще пять-десять минут – ответное слово и шампанское. Они даже двери в кабинетах на замок не закрывали.

– Резво кто-то сработал, – сделал вывод я. – Боссы уже разъехались? Начнем опрос прокуроров.

– Елей на наши души! – воскликнул матерый оперуполномоченный Матвеев. – Воздадим братьям нашим за труды их тяжкие!

Опрос начался.

– Расскажите, чем вы занимались в первой половине дня? – вежливо и тактично спросил прокурора Шевцова Айдар. – Как можно точнее, по минутам, восстановите свои действия в промежуток между половиной одиннадцатого и моментом обнаружения кражи.

– Вы что, меня подозреваете? – встал на дыбы прокурор. – Я на вас жаловаться буду!

– Мы здесь находимся с разрешения прокурора области. Вы ему жаловаться будете?

– Нет, конечно, зачем же ему-то жаловаться. Но ваши вопросы – это верх бестактности. Как вы смеете меня, прокурора, подозревать в краже кошелька у коллеги?

– Мы пока никого не подозреваем, а пытаемся восстановить картину происшедшего.

– Вы не с того конца начали! – высокомерно заявил Шевцов. – К нам на этаж мог зайти посторонний.

– У вас в здании пропускной режим. Как мог посторонний проникнуть в прокуратуру?

– Я не так выразился. На втором этаже у нас располагается следственное управление. К следователям по повесткам приходят потерпевшие, свидетели. Среди них встречаются разные люди. Вы понимаете, о чем я?

– Предположим, свидетель вышел от следователя и пошел наверх, а не на проходную. Откуда бы этому свидетелю знать, что вы все соберетесь у начальника отдела?

– Случайно зашел, – помрачнев, предположил Шевцов.

– Вы никого не подозреваете в краже кошелька? – с серьезным выражением лица спросил Айдар.

– Да как вы смеете такое говорить! – покраснел от прилива праведного гнева прокурор. – На что вы намекаете? На моих коллег? Что, по-вашему, мы здесь, в областной прокуратуре,

только и делаем, что кошельки друг у друга воруют?

– Я ничего не хочу сказать, но кто-то же украл у Весны кошелек. У вас нет других версий, кроме случайно зашедшего на этаж посетителя?

С обворованным прокурором Весной работал я. Как только мы остались вдвоем, он откровенно заявил:

– Падлы! Свои же кошелек подрезали. Пока я ходил к этой Иванян, кто-то у меня в пиджаке пошарил. Отсутствовал я совсем ничего – минут пятнадцать, не больше.

Я и Весна были шапочно знакомы. Когда он работал в районной прокуратуре, вместе выезжали на место происшествия, как-то раз выпивали в одной компании.

– Вы пошли на поздравление без пиджака? – начал опрос я.

– На спинку стула повесил. За окном теплынь стоит, а батареи топят, как зимой. Я, как только прихожу в кабинет, так сразу же пиджак снимаю. Галстук бы с удовольствием снял, да прокурор области запрещает мужчинам без галстука на рабочем месте находиться.

– Сколько денег было в кошельке?

– Пятьсот рублей.

– Ого! Солидно. Какими купюрами были деньги?

– Сотками. Пять купюр по сто рублей и рублей двадцать мелочью.

Весна внимательно посмотрел мне в глаза, секунду подумал и решил быть со мной откровенным. Во внезапно об-

рушившейся на него сложной жизненной ситуации он ни на кого не мог положиться, кроме как на меня, случайного знакомого.

– Про деньги вопрос надо как-то объехать. Я понимаю, что сумма большая, – доверительно сказал он, – но... как бы это сказать? Мне бы не хотелось...

– Объехать пятьсот рублей никак не получится, – мягко, по-товарищески, возразил я. – Но можно придумать какое-то разумное объяснение, для чего у вас с собой была такая приличная сумма. Вы не планировали сегодня покупать мебель или вернуть знакомому долг?

– Мне надо было сегодня, – Весна зачем-то посмотрел на дверь и, перейдя на интимный полусшепот, продолжил, – короче, мне одной бабе надо было сегодня заплатить. Ну, ты сам понимаешь, за что мужики бабам платят... А тут жена! Что будет, мать его, представить страшно.

– Мерзкая история! – согласился я.

Жена прокурора Весны, скандальная, склочная женщина, работала адвокатом. О краже у мужа она наверняка уже узнала и приготовила ему неприятные вопросы: «Саша, какие это пятьсот рублей у тебя украли? Ты где их взял?»

– Александр Васильевич, вы могли занять пятьсот рублей на какую-то незапланированную покупку.

– Деньги-то в семье все под контролем жены, – пожалился он.

– Вы могли занять их, чтобы сделать подарок жене или

теще.

– Тещи уже нет, а жене? Подарок за пятьсот рублей... Не пойдет. Она удавится за такие деньги. Хотя что-то в этом есть. Только какой подарок? – Весна прищурился, в поисках ответа посмотрел на потолок. – Кольцо с драгоценным камнем? Надо подумать... Ты не знаешь директора ювелирного магазина «Янтарь»? Надо с ним потолковать... Так-так, закончу с тобой, позвоню одному человеку, у него есть выход на «Янтарь»... Кольцо с изумрудом... Только какой праздник?

Я пожал плечами. У всех свои праздники. А для себя я решил, что главным праздником в моей семье будет 19 мая – день, когда я познакомился с Лизой.

– Так-так, – обдумывая выход из положения, пробормотал Весна. – В декабре у нас с женой юбилей – тридцать лет со дня свадьбы. Предположим, я решил прикупить подарок заранее. Мне позвонили, сказали, что есть кольцо, я занял денег... Это вариант!

Закончив с разработкой алиби, мы вернулись к краже.

– Александр Васильевич, ваш сосед по кабинету, Гарипов, знал про деньги?

– Знал, конечно. Я же через него договаривался.

Обмен намеками мне надоел, и я спросил напрямую:

– Деньги надо было на аборт? Его же бесплатно делают.

– Бесплатно делают по направлению из женской консультации, а нам надо было проверить все без лишнего шума...

Вот, черт, теперь реально придется деньги занимать! – в отчаянии воскликнул он. – Эта крыса от меня просто так не отстанет. Что за напасть такая? Один раз бдительность потерял – и на полтысячи влетел! Ладно, с ней-то я разберусь... Знаю я человечка, который с ней об отсрочке договорится.

– Давайте вспомним, где был Гарипов сегодня утром? – предложил я.

– К Иванян я ушел раньше его и раньше его вернулся. Ты на него думаешь? Зря. Мы не первый год в одном кабинете сидим.

– Ну и что? Может быть, он тоже «бдительность» потерял. Всяко бывает: приперла нужда, а тут у соседа кошелек из кармана топорщится.

– По времени, – задумчиво сказал Весна, – он вполне мог вытащить кошелек у меня из пиджака и пойти на торжество. А потом? Если кошелек украл он, то деньги сейчас у него. Гарипов после кражи из здания не выходил.

С ходу поняв, на что он намекает, я тут же в корне пресек его идею:

– Александр Васильевич, я не обладаю полномочиями обыскивать прокуроров областной прокуратуры. Тем более Гарипова, прокурора, надзирающего за КГБ. Пускай кто угодно ему карманы выворачивает, а я – пас!

Постучавшись, в кабинет вошла секретарь и вызвала Весну к прокурору области. Я поднялся, намереваясь выйти, но секретарша остановила меня.

– Прокурор области велел вам оставаться на месте, – сказала она.

Весна вернулся поникший и безразличный ко всему на свете.

– Тут это... – не глядя мне в глаза, сказал он, – нашелся кошелек. Выронил я его, а теперь нашел.

– Я все понял, Александр Васильевич! Мы сворачиваемся. Тревога оказалась ложной.

Через пару дней знакомая прокурорша по секрету шепнула мне:

– Прокурор вызвал Весну и говорит: «Прохлопал ушами – сам виноват! Кто бы у тебя кошелек ни украл, а на моих прокуроров я тебе тень подозрения бросать не позволю».

– Зря он так! – высказал я свое мнение. – Я бы на его месте довел дело до конца. Пока в этой истории не будет поставлена точка, все будут подозревать друг друга. Дураку же понятно, что кошелек спер кто-то из своих.

– Не хочет наш прокурор сор из избы выносить. Может, правильно делает, а может быть, нет. Кто его знает? Весна сам виноват, нечего было такую сумму без присмотра оставлять.

Происшествие с кошельком получило развитие в духе времени. Вечером в день кражи Гарипов побывал на приеме у прокурора области.

– В отношении меня могут возникнуть беспочвенные подозрения, – сказал он. – Прошу вашего разрешения обра-

титься за помощью к представителям нетрадиционных областей науки.

Прокурор области равнодушно пожал плечами:

– Мне-то что? В частном порядке общайся с экстрасенсами, ищи вора. Но только знай, что здесь, в областной прокуратуре, воров нет, не было и никогда не будет.

Гарипов взял групповую фотографию прокуроров на новогоднем празднике и поехал к Астаре. Жрица богини Иштар обратилась за помощью к магическому кристаллу. Посоветовавшись с ним, она сказала:

– Среди людей на этой фотографии я чувствую негативную энергетику вора. Кто именно совершил кражу, я сейчас сказать не могу. Принеси мне кошелек, я подержу его в руках и скажу, кто вор.

– Где я возьму кошелек? – удивился Гарипов.

– Как это где? – изобразила изумление Астара. – Вор выбросил кошелек из окна мужского туалета на четвертом этаже. Сейчас он лежит на крыше гаража во внутреннем дворе вашей прокуратуры.

Кошелек обнаружили в указанном Астарой месте. Прокурор области велел вернуть похищенное имущество Весне. Вторично обращаться к Астаре он запретил.

Я рассказал об этой забавной истории Лизе.

– Это кристалл ей подсказал, где искать кошелек? – спросила она.

– Фигня все это! – засмеялся я. – Лиза, сказочка про кри-

сталл рассчитана на доверчивых простаков. Скорее всего, дело было так: Гарипов украл у соседа кошелек, вытащил из него деньги и выбросил пустой кошелек в окно мужского туалета. Потом он поехал к Астаре и задал ей вопросы так, что она уверенно показала на крышу гаража. А может быть, она ничего ему не сказала, и весь разговор с ней, от начала и до конца, Гарипов выдумал.

– Как выдумал? – удивилась супруга.

– А вот так: он мог приехать к Астаре и спросить у нее что-то безобидное. Например, почему ему снятся кошмары по ночам. После визита к жрице он приехал в прокуратуру и уверенно показал место, где лежит кошелек. Расчет очень простой – никто же не поедет к Астаре узнавать, о чем она с Гариповым говорила.

– А если поедут?

– Кто такая Астара и кто такой Гарипов? Она темная лошадка, а он – заслуженный человек, прокурор областной прокуратуры. Он скажет примерно так: «Я не заплатил Астаре, вот она и клеветает на меня. Сама же мне про кошелек рассказала, а теперь отпирается». Лиза, с Астарой Гарипова на чистую воду не выведешь. Вот если бы мы у него в день кражи нашли пять сотенных купюр, вот тут бы он попрыгал, как уж на сковородке.

В истории с похищенным кошельком в выигрыше остались трое – прокурор области, продемонстрировавший, что никакие законы для него не писаны, как он скажет – так и бу-

дет, Астара, мимоходом укрепившая свою репутацию ясно-видящей и экстрасенса, и вор, безнаказанно обогатившийся на пятьсот рублей.

За прошедшую неделю мне удалось поработать только с одним человеком, имевшим отношение к насильнику. Это была потерпевшая Инна Тельнова, высокая молодая женщина спортивного телосложения. На допрос она пришла в джинсах, эффектно обтягивающих ее длинные ноги. Контакт между мной и Тельновой установился сразу, без притирки.

– Что вам рассказать о том случае? – задумалась Тельнова. – Был обычный будничный день. Ближе к обеду я покормила ребенка и уложила его спать. Раздался звонок в дверь. Я, не ожидая подвоха, открыла. На пороге стоял мужчина немного ниже меня ростом. На голове у него был черный капроновый чулок. Инстинктивно я попыталась захлопнуть дверь, но он успел поставить ногу между дверью и порогом и вытащил из кармана большой нож-складник с черной ручкой. Большим пальцем он выдвинул лезвие и приставил нож мне к горлу.

– Обычно лезвие достают из рукоятки двумя пальцами. Одним как-то неудобно, – заметил я.

– Одним пальцем он его выдвинул. Этот момент я запомнила особенно хорошо потому, что дальше все происходило как во сне. Увидев нож, я вспомнила о ребенке, и во мне все замерло. Я подумала: «Пускай делает что хочет, пусть заби-

рает все деньги, только бы с ножом к ребенку не подходил».

– Какого роста был насильник?

– У меня рост сто восемьдесят два сантиметра. Мужчина был немного пониже. Телосложение у него обычное. В первые секунды я пыталась рассмотреть его лицо через капрон, но после того, как появился нож, я уже ни о чем не думала. Не до того стало.

– История, произошедшая с вами, очень неприятная, но нам, чтобы найти насильника, надо в подробностях знать все его действия. Знать до мельчайших деталей. До натурализма.

Тельнова с интересом посмотрела на меня. Слово «натурализм» ее явно заинтересовало.

– Половые преступления специфичны тем, что напрямую затрагивают интимные стороны жизни человека. Не всякий потерпевший решится рассказать постороннему человеку об изнасиловании. В нас природой и воспитанием заложено чувство стыда, и этот стыд зачастую препятствует раскрытию преступлений. Мы боимся отвечать на вопросы, касающиеся интимных тем. Для нас – это табу, а вот в Америке решили перешагнуть через надуманные запреты и выяснить отношение американцев к сексу. Исследование проводил известный социолог Кинзи. По заданию министерства юстиции США он провел анонимное анкетирование и выяснил, какие вопросы первыми возникают у мужчин и женщин в связи с изнасилованием. Так вот, мужчин больше всего ин-

тересует, сколько времени и как сопротивлялась жертва изнасилования, а женщинам интереснее, какие ощущения были у изнасилованной и получила ли она удовлетворение от насильственных действий.

– Вы это серьезно говорите? – спросила Тельнова. – Кто-то считает, что при изнасиловании женщина может получить половое удовлетворение?

– Я не сказал, что кто-то так считает. Кинзи выяснил, что ответ на этот вопрос интересует большинство женщин. Обработывавшие результаты его исследований психологи сделали вывод, что каждая женщина, узнав об изнасиловании знакомой, на подсознательном уровне ставит себя на ее место. Отсюда и нездоровое любопытство женщин к натуралистическим ощущениям, а не к эмоциональному фону изнасилования. Меня тоже интересует натурализм, но только с другой стороны. Лично для меня, как для профессионала, любое половое преступление – это действие и физическое состояние участвующих в действии сторон. Ваше физическое состояние и ваши ощущения мне не интересны. Я хочу знать все о состоянии насильника.

– Я поняла вас. – Тельнова посерьезнела, сосредоточилась и продолжила рассказ о событиях того дня. – Увидев нож, я сделала шаг от двери, мужчина перешагнул через порог, велел мне встать лицом к стене. Краем глаза я видела, как он заглянул на кухню, убедился, что там никого нет, велел мне пройти в комнату и лечь животом на пол. Потом он задрал у

меня полы халата и лег сверху. Теперь натурализм. Плавки он с меня не снимал, сам не раздевался. Ноги у меня были сдвинуты, руками он обхватил мои плечи снизу и делал движения в точности такие же, как если бы совершал обычный половой акт. Как только он лег на меня, я ощутила...

Дальше у нее не хватило смелости продолжить, и она, в поисках поддержки, посмотрела на меня. Я понимающе кивнул: «Все хорошо. Мы идем в правильном направлении».

– Через его одежду, – продолжила Тельнова, – я чувствовала, как он был напряжен. Потом, после всех его телодвижений, он добился, чего хотел. Он испытал оргазм.

– Другие потерпевшие, подвергшиеся насилию со стороны этого человека, описывают его движения как «терся». Это соответствует действительности?

– Он не совершал беспорядочных движений. Все его действия – это обычный половой акт через одежду. Ему ничто не мешало снять одежду с меня и с себя и совершить все действия в естественной форме, но он выбрал такой извращенный способ удовлетворения. Если вас интересует натуралистическое описание того, что произошло, то это был именно половой акт, а не хаотичные движения.

– Один мой коллега описал его действия как «имитация» полового акта.

– Совершенно точное определение. Лучше не назовешь.

– Вернемся к тому моменту, когда насильник... Хм, как бы сказать-то?

– Пока мужчина был на мне, руки его были у меня под плечами, а раскрытый нож лежал рядом на полу. Закончив половой акт, он встал, защелкнул лезвие ножа в рукоятку и вышел из квартиры. Все это время, пока мы были на полу, дверь в квартиру была прикрыта, но не заперта.

– Вам не показалось, что от него пахнет мятной жвачкой?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.